

СЕКТА-2

Алексей
Колышевский

КТО МЕШАЕТ НАМ
БЫТЬ СВОБОДНЫМИ?
КТО БРОСИТ ВЫЗОВ ТЕМ,
КТО СЧИТАЕТ НАС БЫДЛОМ?

РОМАН

Алексей Кольшевский
Секта-2

«ЭКСМО»

2009

Колышевский А. Ю.

Секта-2 / А. Ю. Колышевский — «Эксмо», 2009

Все, что отличает романы Алексея Колышевского: динамичный сюжет, яркие неоднозначные герои, парадоксальные ситуации, тонкая ирония и, конечно, любовь! Кто нами управляет? Кто мешает нам быть свободными? Бизнес? Власть? Спецслужбы? Кому из них достанется древний артефакт, дающий неограниченную власть над людьми? Кто бросит вызов тем, кто считает нас быдлом? Авантюрист, бабник, разгильдяй и откатчик Рома благодаря случайному (или не случайному) знакомству с Настей Кленовской окажется «главным героем» невероятных событий. Именно в его руки попадет грозное... Продолжение нашумевшего романа «Секта. Роман на запретную тему» перевернет ваше сознание!

© Колышевский А. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Настя и лунный свет	12
Прыжок в бездну	23
Спасенный из воды	31
Пэм и великий шторм	50
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алексей Кольшевский

Секта-2

*«Я – инок Альберико, – он сказал, —
Тот, что плоды растил на злое дело
И здесь на фишик смокву променял».
«Ты разве умер?» – с уст моих слетело.
И он в ответ: «Мне ведать не дано,
Как здравствует мое земное тело,
Здесь, в Толмее, так заведено,
Что часто души, раньше, чем сразила
Их Атропос, уже летят на дно.
И чтоб тебе еще приятней было
Снять у меня стеклянный полог с глаз,
Знай, что едва предательство свершила,
Как я, душа, вселяется тотчас
Ей в тело бес, и в нем он остается,
Доколе срок для плоти не угас».*

Данте Алигьери.

«Божественная комедия»

Пролог

Дождливой осенней ночью 16 сентября 2007 года из ворот поселка Горки-10 выехал черный бронированный «Мерседес» с номерным знаком «е666кх77RUS» и, включив проблесковые маячки, быстро набирая скорость, понесся по направлению к Москве.

Спустя 16 минут автомобиль въехал на территорию Кремля через ворота Боровицкой башни и остановился во дворе здания Президиума Верховного Совета. Из автомобиля выскочил охранник, весьма похожий на заправского головореза, и спешно открыл заднюю правую дверцу. Из машины неторопливо, с достоинством вышел высокий представительный мужчина с большим носом, придававшим его внешности некоторую «орлистость». Одет он был в строгий костюм, поверх которого набросил офицерскую плащ-палатку защитного цвета. Сделав охраннику знак не следовать за собой, мужчина подошел к неприметной боковой дверце и позвонил четыре коротких раза с одинаковыми перерывами. За дверью, которую открыл офицер в чине майора, оказалось крошечное помещение размером не более 15 квадратных метров с расположенным там лифтовым входом. Человек в плащ-палатке вошел в лифт и нажал единственную кнопку. Лифт сперва опустил его на 100 метров вертикально вниз, а затем примерно на столько же продвинулся горизонтально влево. Выйдя из лифта, мужчина оказался в вестибюле чуть больше предыдущего, целую стену которого занимали стальные двери с гидравлическим приводом. Здесь он также позвонил четыре коротких раза, офицер в чине теперь уже подполковника пропустил гостя внутрь, принял от него плащ-палатку и повесил в углу.

Это была типичная приемная казенного образца с большим несгораемым шкафом, скудной мебелью и письменным столом подполковника-адъютанта. Тот быстро справился по телефону о чем-то и пригласил мужчину с орлиным профилем войти на сей раз в обыкновенную, обитую черной кожей дверь, к которой была прикреплена табличка с надписью «ЗЗОН», что означало «зал заседаний особого назначения». ЗЗОН располагался на глубине 100 метров прямо под Мавзолеем на Красной площади, и никакие посторонние звуки сюда не долетали, а прослушать то, о чем говорилось в «особом зале», было абсолютно невозможно.

В помещении, похожем на небольшой лекторий – с возвышением для докладчика, экраном и полукруглыми скамейками, – уже находились несколько человек, принадлежавших к секретной организации Хранителей Державы.¹ Прибывший мужчина являлся членом ее высшего совета. Присутствующие обменивались короткими предложениями, смотрели на часы и ожидали человека, которого между собой называли Председателем. Он и вправду был председателем этого закрытого тайного общества, и это именно он собрал посреди ночи экстренное совещание в наиболее секретном помещении Москвы, сама информация о существовании которого составляла государственную тайну. Председатель всегда был точен и никогда не опаздывал. Он появился ровно в три часа и попросил всех садиться.

– Товарищи, я собрал вас по неотложному делу, и дело это представляет собой сложный клубок обстоятельств. Распутав его, мы станем обладателями артефакта, имеющего величайшее значение в судьбе страны. Я говорю о предмете, две тысячи лет тому назад прекратившем муки Иисуса Христа. Долгое время считалось, что артефакт был возвращен американцами в ходе передачи ими перемещенных ценностей после Второй мировой войны. Однако наш специалист, выполняющий особое задание, выяснил, что подлинник этой величайшей реликвии находится в руках масонов и спрятан в одной из северных лож Соединенных Штатов Америки. В случае если бы нам удалось заполучить этот предмет в свое распоряжение, наше тайное общество Хранителей Державы смогло бы с небывалой эффективностью противостоять влиянию масонства, выдавить масонов с их теперешних высоких позиций и фактически свети к абсолютному нулю их влияние в общемировом масштабе, закрепив в итоге за собой роль всероссийского, а затем и мирового правительства. По информации нашего сотрудника, находящегося сейчас в районе Соломоновых островов, так называемая Великая ложа Запада готовит через Московский учебный центр по изучению каббалы масштабную идеологическую диверсию, направленную на дальнейшее разрушение целостности общества, его психологического фона. В связи с этим поручаю вам, товарищ генерал, – Председатель выразительно поглядел на мужчину с орлиным профилем, – детальную разработку операции по доставке в Россию реликвии, также известной под названием «Копье Судьбы». Подробности, сообщенные нашим специалистом из-за рубежа, находятся в зашифрованном виде на носителе, который будет вам передан немедленно после окончания совещания. Остальных прошу оказывать генералу Мушерацкому весь объем необходимой ему поддержки незамедлительно. Ввиду особого статуса этой операции никаких справок не составлять, записей не вести, обо всех процессах докладывать мне лично в устной форме. Фигурантами по делу являются: обозначенный мною специалист Герман Кленовский, его экс-супруга, проживающая сейчас в Великобритании, а также агент ЦРУ Пэм Уотс, с помощью которой удалось выйти на след Копья Судьбы. Разработку всех фигурантов предлагаю вести одновременно. Вопросы есть?

– Товарищ Председатель, у меня вопрос. – Генерал поднялся с места. – Когда ожидается возвращение в Россию означенного вами специалиста?

– Когда надо, – уклончиво ответил Председатель, и совещание на этом закончилось.

¹ Очень подробно о Хранителях Державы рассказано в романе «Секта». (Здесь и далее примеч. автора.)

Часть I

Милость мистера Ты

Затиша. Весна 2007 года

– Валя, что ты делаешь...

Геру провел языком по высохшим губам. Он попытался встать, но сил не хватило, руки загребали песок, работая вхолостую, точно винты выброшенного на отмель корабля. По линии поясицы тело будто разрезало, и нижняя половина не слушалась, как после двух-трех литров забористого вина.

– Что за маскарад? Откуда эти крылья?! Да что ты за тварь такая, господи!!! – Он хотел крикнуть, но голос был слабым, и крик вышел похожим на стон дряхлого, чудом выжившего после инсульта старика или скрип обветшалой калитки в старом, заброшенном саду, которой вздумал поиграть ветер. Ужас, охвативший Геру при виде стремительно менявшей свой облик девушки, лишил его способности нормально двигаться и членораздельно говорить.

Существо, нависшее над ним, перестало походить на человека. Сначала ноги твари принялись с хрустом вытягиваться и одновременно с этим усыхать. Видно было, как из-под юбки появляется желтая сморщенная плоть с ороговевшей кожей, сквозь которую кое-где проглядывала частая сетка вен. С ужасным треском лопнули коленные суставы, обратившись в жгуты жил, сочившихся кровью и отвратительной, гнойного цвета слизью. В конце концов то, что совсем недавно было симпатичной юной медсестрой Валеи, оказалось стоящим на двух тонких и длинных конечностях, усеянных стремительно прорывавшимися сквозь кожу шипами и напоминающих из-за этого не то страусиные ноги, не то многократно увеличенные стебли колючего сорного растения. На ступнях, также неестественно вытянувшихся, сзади появились острые шпоры, вонзившиеся в песок, а спереди, вместо пальцев, по три длинных изогнутых когтя – точь-в-точь птичьи лапы.

Одними только ногами метаморфозы не ограничились. Юбка и кофточка с треском разорвались, и взору несчастного Германа явилось мерзкое туловище твари с морщинистыми ссохшимися грудями, что наполовину закрывали вздутый живот, лишенный пупка. Сквозь почти прозрачную кожу живота виднелись скорчившиеся, прикрепленные уходящими в глубь туловища пуповинами младенцы с закрытыми глазами и отверстыми пастями, полными кривых акульих зубов. На спинах их едва заметно трепыхались крохотные крылья, головы были увенчаны небольшими рожками, а в середине лба помещался третий, пронзительно и зло смотрящий глаз, лишенный верхнего и нижнего века, весь покрытый кровавой сеткой сосудов. Ноги одного из этих деток (точная уменьшенная копия мамашиних) торчали наружу из мерзкого ее детородного органа, напоминавшего хобот.

Руки кошмарного, ростом не менее двух метров существа вытянулись настолько, что длину своей явно превзошли ноги. Выглядели они при этом очень мощными: книзу от самых плеч их опутывали канаты мышц, и каждая трепетала, до чрезвычайности напряженная. Кисти рук были поистине ужасны! Каждая ладонь, шириной с чугунный колодезный люк, была увенчана десятком длинейших когтистых пальцев, и существо перебирало ими, словно играя на невидимой арфе. Но самым страшным была голова монстра: ромбовидная, безухая, с ввалившимися, словно насквозь пробитыми в ней глазными шахтами, с прорезью чудовищного рта, из которого торчали острейшие, сочащиеся мутной слизью клыки, с носом в виде гофрированного отростка. При всей этой из ряда вон выходящей мерзости волосы превратившейся в исчадие ада Валеи остались по-прежнему рыжими, но теперь были собраны в сотни липких дредов, перепутанных и торчащих в разные стороны. На Германа смотрел ее единственный глаз,

расположенный прямо во лбу, – крупный, овальной формы, с черным зрачком, испещренным, будто трещинами, мраморно-белыми прожилками.

С мерзким шипением существо подняло страусиную лапу и молниеносно опустило ее на грудь Германа, почти лишив того всякой способности двигаться. Он лишь барахтался под этой несокрушимой, тяжелой, как целый мир, пятой, тщетно пытаясь вырваться.

– Пусти! Пусти меня, мразь!

Он вцепился в шпору и в один из трех изогнутых когтей.

– Господи, помоги! С нами крестная сила! – Гера, охваченный ужасом, выпалил все известные ему разрозненные и крайне немногочисленные молитвенные формулы в попытке хоть как-то повлиять на этого жутчайшего выходца из преисподней, но существо лишь продолжало давить ему на грудь и шипеть что-то нечленораздельное. Похоже, что расправляться со своей жертвой оно не торопилось, то ли выжидая чего-то, то ли растягивая удовольствие в предвкушении поживы. Однако спустя короткое время сделалась понятной истинная причина этого промедления. Существо явно чего-то опасалось: оно вертело по сторонам уродливой башкой и принюхивалось, держа нос по ветру, словно лиса на охоте, при этом внимания на Германа почти не обращало – конечно, ведь тот был стопроцентной жертвой и спастись теперь не мог даже гипотетически. Между тем Гера, почти задушенный массой гадины, в которую превратилась миниатюрная рыжая медсестра, все-таки смог крикнуть. Он вложил в этот крик последнюю надежду, все силы, что еще оставались; он по глотку нагнал в легкие побольше воздуха и так наполнил все пять их долей, что казалось, вот-вот лопнут ребра, уже и без того трещающие под натиском когтистой страусиной лапы.

– Мистер Ты! – завопил что есть мочи Кленовский. – Помогите!

Гадина повернула к нему свою безобразную голову, и Гера с ужасом увидел, как пасть ее, набитая кривыми острыми зубами, расходится в некоем подобии ухмылки.

– Кого это ты зовешь, червячок? – голос ее был сиплым, точно у бомжихи со свалки. – Здесь тебе никто не поможет, сучонок, так что можешь помолиться перед смертью твоей бессмертной души! – Она гадко засмеялась.

* * *

– Лилит, девочка моя, а ты все продолжаешь бедокурить?

Гера, несмотря на все отчаяние своего положения, сразу узнал этот голос! Вот оно, истинное чудо! Это, вне всякого сомнения, был голос его недавнего знакомого, хозяина здешних мест, во дворе дома которого Кленовский готов был вот-вот испустить дух. И дом, и двор выглядели брошенными, не говоря уж о других домах в деревне – полусгнивших, окруженных запущенными огородами и палисадниками, заросшими бурьяном и лопухами.

Двор дома Мистера Ты, который тот называл точной копией Ханаанской пустыни, был залит лунным светом. Светило находилось во всем своем круглом величии и оказалось в ту ночь настолько близко к Земле, что чудилось: еще немного, и свалится на Землю щербатый спутник ее, вызвав Апокалипсис, несущий гибель всему живому. Словно вампир, оживший в лунном свете, по невидимой лестнице спускался одетый с элегантным шиком мужчина. Черный костюм в талию, белоснежная сорочка и лакированные туфли делали его похожим на гламурного адвоката. Манжеты сорочки были слегка выпущены из-под рукавов пиджака, и искрились в лунном свете граненые платиновые запонки, сияла Полярной звездой бриллиантовая заколка лилового шейного платка. Это был Мистер Ты собственной персоной, и он как ни в чем не бывало шел, словно Бог, по воздуху.

При звуках его голоса Гера почувствовал, как давление страусиной лапы ослабло, и смог немного отдышаться.

– Ты что, язык проглотила? Так удивлена моим появлением?

Мистер Ты наконец опустился на землю и сейчас находился в нескольких шагах от поверженного Геры и неведомой чудовищной твари, которую он назвал странным, но все же вполне человеческим именем – Лилит.

– А ты кто такой? – Гадина, казалось, была озадачена и в отличие от Геры Мистера Ты не признала. – Откуда тебе известно мое имя?

– Я хозяин здешней земли и не позволю тебе гадить на ней, – с едва заметным напряжением усмехнувшись, отвечал ей Мистер Ты. – Пусти парня, дай ему спокойно уйти в мир иной, его тело мертво, дай свободу его душе!

– Черта с два! – Гадина растопырила свои ужасные руки, и теперь все два десятка ее когтей были направлены на храбреца, сошедшего с небес. – Мне плевать, кто ты такой, но его душу я тебе не отдам, она принадлежит мне, и я сожру ее, чтобы внутри меня появилась еще одна сущность. Я не желаю тебя слушать! – вдруг заверещало чудовище, словно Мистер Ты продолжал что-то приказывать ей, не открывая рта, – а похоже, так и было. Явно против своей воли, подвывая, как подбитая камнем дворняга, Лилит окончательно оставила Германа в покое: сняла с него свою отвратительную конечность и, неуверенно пошатываясь, сделала несколько коротких шагов назад.

– За все мою долгую жизнь лишь один человек имел такую власть надо мной. Неужели это ты?! – мучительно выговорила она. – Время не властно над тобой, ты все такой же! Переходишь из тела в тело, наращивая свои способности... А я? Видишь, какой я стала красоткой по твоей милости?!

– Просто у тебя всегда был тяжелый характер, дорогая. Ведь это ты предпочла вечную жизнь в теле демона, не вняв моим уговорам утопиться. Я весь к твоим услугам! – Мистер Ты изящно поклонился.

Его галантность тут же встала ему очень дорого: разъяренное чудовище бросилось на него и сумело повалить. Впрочем, Мистер Ты оказал самое яростное сопротивление. Некоторое время невозможно было разобрать, кто есть кто из дерущихся – в таком сумасшедшем вихре они двигались, закрутившись, подобно смерчу, и поднявшись на несколько метров над землей. Зрелище было ужасающим и величественным: в лунных лучах со скоростью самолетной турбины вращались двое, от исхода схватки которых зависела жизнь Геры. Все еще не в силах пошевелиться, Герман наблюдал за поединком. Лоскуты от изящного костюма Мистера Ты летели во все стороны, возле Геры шлепнулось нечто, похожее на сырой кусок мяса, и Кленовский с отвращением увидел, что это один из нерожденных детенышей гадины, бесенок, верно, тот самый, чьи ноги уже торчали наружу. Тварь была жива, удар при падении лишь оглушил ее, и теперь она приходила в себя, широко, словно птенец в гнезде, раскрыв рот. Гера с ужасом смотрел на это не сулившее ему ничего хорошего явление. Меж тем битва в воздухе неожиданно закончилась, а вернее, прервалась, и противники, отпрянув друг от друга, рухнули на землю.

Та, что звалась Лилит, лишилась в схватке половины правого крыла (левое было изорвано), страусиной ноги и ладони с острыми когтями. Понять, куда девались утраченные ею члены, оказалось невозможно – их нигде не было видно, словно они испарились. Мистер Ты выглядел немногим лучше: правая рука его была вся в крови, от костюма остались одни лохмотья. Он заметно постарел, волосы его как будто припорошило снегом, а лицо осунулось, сморщилось, как печеное яблоко, и покрылось сеткой морщин. Видно было, что соперники истощены схваткой и никто из них не имеет сил для ее продолжения.

– Лилит, я приказываю тебе исчезнуть. Дарю тебе это право по старой дружбе. Иначе, клянусь дьволом, я тебя уничтожу, – прохрипел Мистер Ты и, заметив копошащийся на песке комок бесовской плоти, с силой надавил каблуком на рогатую башку монстра-выкидыша. – Я раздавлю тебя так же, как только что раздавил твое отродье. Ты меня знаешь, я всегда иду до конца.

Увидев, как он обошелся с ее чадом, Лилит издала жуткий вопль и сделала попытку броситься на Мистера Ты, но тут же упала, не удержавшись на одной ноге. При этом уродливая голова ее оказалась совсем близко от правой руки Геры, и чудовище впилось всей своей широкой зубастой пастью Гере прямо в руку, чуть повыше локтя!

* * *

От невообразимой боли, пронзившей каждую его клеточку, каждый атом сознания, Герман чуть не сошел с ума. Ему вдруг показалось, что он выпрыгнул из самого себя и со стороны наблюдает сейчас за всем, что происходит во дворе дома Мистера Ты. Так, точно сидит в удобном кресле в партере и смотрит премьерный показ фильма ужасов. Иллюзия была полной, не хватало лишь привычных атрибутов вроде пива и попкорна. Вот и сам он «в кадре» – беспомощно лежит на песке, залитом перемешанной кровью всех троих участников побоища, вот Мистер Ты, обхватив шею Лилит своими крепкими узловатыми пальцами, душит ее и тянет голову вверх, словно морковь из земли, и голова твари, словно в замедленном кадре, неспешно отваливается, а тело судорожно бьет остатками крыльев и, загребая уцелевшей страусовой лапой и обрубком руки, кружится вокруг невидимой оси. Сам Гера лежит неподвижно, не подавая признаков жизни, а голова чудовища превращается в юркую белую ящерицу, и Мистер Ты пытается раздавить ее ногой. При других обстоятельствах это могло бы показаться смешным, но Герману вдруг стало не до смеха. Иллюзия уютного кресла в партере безжалостно покинула его, и с жалобным, неслышным в обычном мире стоном душа его тщетно вилась вокруг безжизненного тела. Осознание собственной смерти подействовало, как ведро ледяной воды морозным утром: укус гадины вышиб из Германа остатки жизни вместе с душой, и он, продолжая ощущать собственное «я», в прежнем своем теле более не существовал.

«Я умер! Господи боже мой! Умер! Меня больше нет!» – Кленовского охватило чувство острой жалости к самому себе, к этому никчемному теперь телу, беспомощному и обездвиженному, лишенному внутренней силы и сущности. Он пытался что-то сказать, но не слышал собственного голоса, а тем временем Мистер Ты упустил ящерицу, проворно юркнувшую под камень.

– Ах ты, зараза, – выругался Мистер Ты, утирая вспотевший лоб, и Гера, которому все происходящее с каждой секундой становилось все более безразличным, отвлекшись от собственных переживаний, увидел, как сильно, буквально на глазах, состарился его спаситель. Вместо прежнего крепкого сорокалетнего мужчины он стал стариком лет семидесяти с густой седой шевелюрой и широкой, перепачканной в крови и земле бородой.

Побродив возле камня и попинав его ногой, старик вернулся к Гериному телу и со вздохом опустил его на колени. Взял безжизненную руку в свои ладони, подержал немного, покачал головой:

– Какая же ты подлая тварь, Лилит! Ну почему бы тебе было просто не убить его? Зачем надо было превращать парня черт знает во что?

Старик поднял голову. Казалось, взгляд его пронзает время и пространство:

– Я тебя не вижу, но знаю, что ты здесь, рядом, и слышишь меня. Не пытайся мне ответить, я не Творец и не умею разговаривать с душами. Лучше выслушай то, что я тебе скажу. Отправляйся сейчас куда угодно и найди себе подходящее тело. Ты поймешь, что именно тебе нужно, словно перед тобой распахнется дверь, приглашая войти. Ты не нужен в раю, и в аду для тебя нет места.

И Гера, не смея ослушаться этого приказа, взмыл в воздух, легче которого он отныне стал. Он видел, как состарившийся Мистер Ты поднял его тело и тяжело двинулся по направлению к заброшенным деревенским избам, над которыми по мере его приближения усиливалось странное зеленовато-белесое свечение. С каждым шагом прежний облик возвращался к

Мистеру Ты, а его седая старость словно всасывалась внутрь, растворялась в крови, как блуждающий вирус.

А потом все завертелось, звезды над Германом превратились в серебряные нити на темном бархате неба, и он поплыл над землей, над лесами, полями, туда, где виднелось уже, все более разгораясь, огромное зарево над Москвой.

Настя и лунный свет

Лондон – Москва

Весна 2007 года

I

Всю ночь ей снились какие-то розовые младенцы – лиц их Настя поначалу разобрать не могла. Они были повсюду в ее сне, в странной, без окон и дверей, комнате, ползали по потолку, карабкались по стенам, барахтались на полу у Настиных ног. Она оказалась в этой комнате внезапно, здесь без всяких прелюдий начался ее сон, поэтому Настя не сразу сообразила, что к чему. Сперва она решила, что самое странное в этом сне то, что все младенцы какие-то уж слишком молчаливые: она прекрасно слышала свое учащенное дыхание, какой-то гул под ногами, будто внизу работала самолетная турбина, но дети двигались абсолютно бесшумно.

Настя некоторое время оставалась в недоумении. Ей совершенно непонятно было, как вести себя в такой ситуации. Откуда все эти дети? Где их родители? Почему они молчат, быть может, с ними что-то не в порядке? Один из младенцев ткнулся лбом в ее ногу, и, казалось, это его рассердило. Он отполз немного назад, высвобождая себе расстояние для разгона, быстро задвигал ручками и ножками и врезался в Настю гораздо сильнее, чем прежде. Потом вновь повторил то же самое, и Настя догадалась:

– Малыш, ты меня бодаешь? Ты кто, барашек? А где твоя мама? Ну-ка, не надо бодать тетю, иди ко мне на ручки, – с этими словами Настя наклонилась и очень осторожно взяла ребенка за плечи. Он был одет в довольно странные распашонку и ползунки. Странные оттого, что их ткань на ощупь оказалась очень грубой – настоящий брезент, его еще называют «чертовой кожей». Так одевать ребенка? Да ведь он себе все сотрет в кровь!

Настя быстро подняла малыша, оказавшегося неожиданно тяжеленьким, перехватила его под мышки и наконец впервые взгляделась в его лицо. В первый миг она почувствовала, что воздуха в груди нет совершенно и она сейчас задохнется. Она даже хотела отбросить ребенка, но в последний момент опомнилась и с трудом удержала его на вытянутых руках.

– Господи... – прошептала Настя, в ужасе глядя в крошечное личико. – Малыш, да кто ты такой?! У тебя ведь на голове... рожки!

И разом все находящиеся в комнате младенцы обрели голос. О! Лучше бы все оставалось по-прежнему, воистину лишь в тишине есть совершенство, лишь тишина благословенна! Их голоса были резкими и пронзительными, хотелось зажать уши, закричать самой, только бы не слышать этого адского многоголосия. Малютка, которого Настя все еще держала на вытянутых руках, стал извиваться, да так сильно, что ей с трудом удавалось удерживать его. А малыш все корчился, изворачивался, проявляя немыслимую гуттаперчевость, точно в его теле совсем не было костей, и вдруг, после особенно ловкого кривляния, он затих, а вместе с ним смолкли и все остальные дети. Это затишье, равно как и вообще полное отсутствие всякого движения в комнате, продолжалось очень недолго. То, что последовало дальше, стало настоящим ночным кошмаром. Младенец на руках у Насти превратился в комок густой черной жижи, очень холодной на ощупь, и Настя в ужасе отбросила эту мерзость. Тут же все детишки, прежде розовощекие и пухлые, один за другим последовали примеру своего собрата, и очень скоро Настя оказалась в вязкой стылой трясине, которая сперва доходила ей до колен, а затем, стремительно поднимаясь, достигла подбородка, и тогда девушка принялась барахтаться в ней, уже не чувствуя пола, и гул турбины внизу стал еще отчетливей, еще мощнее, словно какой-то испытатель в белом халате, невидимый, но непременно рыжий и толстый, добавил двигателю оборотов. Гул усилился настолько, что на поверхности черной жижи появилась вначале мелкая

рябь, а затем стены комнаты затряслись и Настя очутилась посреди настоящего шторма. Она захлебывалась в волнах, видела какие-то неясные очертания, на мгновение возникающие на поверхности трясины: черные, как деготь, вороны несли в клювах прежних, теперь покрытых черной слизью младенцев, и выглядело это как гнусная пародия на аистов, приносящих детей.

* * *

Лишь когда в своем сне Настя окончательно потеряла силы и стала тонуть, она проснулась. И, слава богу, все было по-прежнему: она в своей спальне, мужа все еще нет, будильник на ее глазах поменял последнюю цифру, и стало ровно четыре часа утра или ночи – это кто как привык. Четыре часа, ужасный сон, какие-то дети... Дети!

Она вскочила и стремглав вылетела из спальни в коридор, рванула дверь детской, включила свет. Нет, все в порядке, ее мальчик спит, улыбается во сне – она потрогала его, – сухой, теплый, пахнет молоком. Настя поспешно погладила сына по головке, стремясь не поддаваться мысли, что ее порыв не просто материнский, инстинктивный, как и большинство заложенных Создателем в женщину-мать движений. Нет, нет, у него не может быть никаких рожек. Вот абсолютно гладкая, правильной формы голова с восхитительно высоким и чистым лбом. У его отца точь-в-точь такая же...

Какой дурацкий сон, должно быть, она переборщила с обезболивающим. Третий день ныл зуб, идти в кабинет, где вооруженный блестящими орудиями пытки инквизитор-инопланетянин в хирургической униформе и с круглой блестящей штукой на голове станет заглядывать ей в рот, было страшновато – эта фобия, безотчетный, иррациональный страх перед стоматологами, засела в Настином подсознании с детства. Настя гасила боль с помощью таблеток кетанова, а в больших количествах этот препарат иногда дает галлюцинации. А может быть, всему виной неудобная поза, в которой она спала? Кто знает? Породе человеческой миллион лет, а внутреннее ее устройство так до конца и не изучено. Не могут подобные знать все о подобных, это удел высших существ...

Настя погасила свет, осторожно вышла из детской, в растерянности постояла немного, раздумывая, что же ей делать дальше. Заснуть точно не получилось бы, и она пошла на кухню. Сварила себе кофе, разрежала лимон, выдавила в чашку целую половину ярко-желтого сочного цитруса. Так пили кофе в ее семье. В ее прежней, московской семье. Здесь так не принято. Ее муж пьет чай с молоком или кофе со сливками. Однажды он неудачно и обидно пошутил, сказав, что в России всё стремятся делать с каким-то особенным, никому в «цивилизованном мире» не понятным вывертом.

– ...Или вот что, – в предвкушении острой и гаденькой шуточки он шелкнул языком, – ведь у вас так часто бывали эпидемии тифа и цинги! Поэтому вы, русские, так любите повсюду пихать лимоны. К месту или не к месту – вам наплевать, лимоны у вас в генах. Ведь лимон лучшее средство от цинги, не так ли?

Она тогда в очередной раз сдержалась. Просто пожала плечами и ничего не ответила, лишь бы он отстал. Сейчас уже пятый час нового дня, а его все еще нет. Интересно, что он придумает на этот раз? Опять скажет, что был телемост с Австралией или, может, по заданию своей редакции он посещал какую-нибудь исключительно важную закрытую вечеринку? А может, освещал ночные дебаты в парламенте? Разумеется, ведь именно поэтому от него так пахнет алкоголем и модным ароматом духов «Коуч». Настя уже не в первый раз замечала от него этот запах, и как-то очень легко, практически само собой, ей дался вывод, что пассия мужа наверняка американка: «Коуч» – американская фирма, ее не очень-то знают здесь, в Старом Свете. Мужу скучно с Настей, с русской, она слишком домашняя, ментально не подходит его арийскому характеру. Девушка усмехнулась – так и есть. И почему ей так не везет? Первый муж, отец ее малыша, бросил их ради какой-то мерзавки, которая потом исчезла при загадоч-

ных обстоятельствах. Нынешний – английский журналист Квишем – оказался еще хуже, в том смысле, что помимо собственного кобелизма был еще и не очень-то расторопным в деловом плане. Переехать с окраины в приличный район Лондона они так до сих пор и не смогли. Этот тихий квартал в захолустье, с низкими трехэтажными домиками, Настя не любила, и все чаще ей грезилась Москва и родительская квартира в роскошном и пушистом Бобровом переулке. Наверное, лишь там она была по-настоящему счастлива.

* * *

Поначалу спасала работа. Настя уходила в нее с головой и жила лишь ребенком и своими репортажами. А потом работа закончилась. Настя хорошо помнила, как это случилось...

Ей часто поручали «русские» темы, и она с максимальной беспристрастностью подбирала материал, выбирала фотографии, писала статьи. Именно эта беспристрастность и не пришлась по вкусу ее главному редактору. Тот увидел в ней нечто совершенно иное.

– У меня складывается впечатление, что вы, Анастасия, как минимум работаете на русскую пропагандистскую службу. Точка зрения в ваших работах далека от общепринятой в Королевстве позиции по отношению к России. Вам было поручено сделать исторический материал о русских оккупантах на Украине, и что вы сделали? Откуда этот заголовок – «Оккупанты» со знаком вопроса? Это, пожалуй, самый вопиющий пример, но и все ваши предыдущие работы наполнены какой-то странной симпатией к русским и, простите за резкость, историческими подтасовками!

– Насчет подтасовок... Это очень спорный вопрос, сэр, что именно в истории считать за истину. Нет в моем поведении ничего странного. – Настя устало провела рукой по лбу, взъерошила волосы и улыбнулась. – Я русская, люблю страну, где появилась на свет. Да, там сложно жить, но она вовсе не так плоха, как хочется думать кому-то в Англии. Есть государство, которое сейчас переживает не лучшие времена, и есть страна, и она прекрасная, красивая, большая...

Настя сделала ударение на слове «большая», и редактор недовольно поморщился. Кому приятно, когда расхваливают то, что никогда не станет родным, и к тому же делают это в столь вызывающей манере? «Большая страна», каково?! Он сказал бы – слишком большая, несправедливо большая...

– К тому же, – продолжала Настя, – я не думаю, что задача столь уважаемой корпорации, как Би-би-си, состоит в очернении России. Беспристрастность – вот лозунг всякого профессионального журналиста, в особенности если он имеет работу в такой влиятельной и известной медийной империи, как наша.

Редактор, стараясь не встречаться с ней глазами, вышел из-за стола, подошел к большой доске, на которой во время совещаний фиксировались всякие летучие и важные мысли, взял красный фломастер и разделил доску пополам сплошной вертикальной линией. Слева он поставил одну-единственную точку, а справа с азартом пулеметчика натыкал множество точек, чем-то похожих на осинный рой. Отошел от доски на пару шагов, словно живописец от мольберта, полюбовался на свое художество и повернулся к Насте.

– Скажите, Анастасия, что вы видите? Один момент, пожалуйста, вам сейчас не надо отвечать, я сделаю это за вас. Итак, слева жалкая одиночка, мнение которой никто не разделяет, а справа как раз все те, кого не интересует и раздражает мнение этой жалкой одиночки. Аналогию, надеюсь, улавливаете? Так вот, я не случайно провел меж этими двумя непримиримыми сторонами сплошную черту. Еще недавно ее не было, а теперь она означает непреодолимую преграду. Вас отделили от большинства, вы ему больше не нужны.

– Я уволена? – спокойно спросила Настя.

– Увы. Вы сами сделали свой выбор. Перед вами открывались прекрасные возможности, у вас настоящий талант журналиста, но вы оказались чересчур строптивой. Мне очень жаль.

Настя поднялась и направилась к выходу. Уже стоя в дверях, она не выдержала, обернулась к редактору:

– Знаете ли вы, сэр, что не все на свете покупается? И эти странные русские, которых вы так не любите, не торгуют родиной. Это ваши англичане служат по всему миру наемниками и военными инструкторами. Вам все равно, за кого воевать, лишь бы платили. А мы так... Бесплатно. За свое. Всего наилучшего, маленький Робин Гуд...

* * *

Вот так Настя осталась без работы. Найти ее здесь, в Лондоне, русской журналистке, уволенной из Би-би-си, оказалось чрезвычайно сложно. Везде ей предлагали нечто вроде обмена: ее карьера против «правды» о России. В такую «правду» Настя не верила и на обмен не соглашалась, считая его форменным предательством.

Ее муж, журналист Артур Квишем, вначале громко выражал свое возмущение тупостью главного редактора и «всех этих свиней, погрязших в «холодной войне», но потом, и даже очень скоро, перестал проявлять к Насте прежнее внимание. У него жизнь кипела, он был увлекающимся человеком, строил карьеру, любил женщин и выпивку. Ребенок Насти, который в первое время забавлял его, как новая игрушка, вскоре ему наскучил и временами вызывал пока еще глухое раздражение. Вот уже несколько месяцев Настя чувствовала, что жизнь ее с мужем летит к чертовой матери и уже очень скоро нужно будет предпринять что-то совершенно особенное, чтобы судьба развернулась в каком-нибудь ином, более интересном направлении. Все чаще она признавалась себе, что ей хочется вернуться в Москву и там начать все сначала. Начинать с нуля проще в знакомой обстановке, когда рядом родители, которые помогут и поддержат. Квишем, похоже, окончательно стал чужим, и надо, что называется, делать ноги от этого никчемного павлина. Все равно толку от него никакого, да и павлиньим хвостом давно уже любитесь какая-то американка, с ног до головы надушенная редким в Старом Свете запахом.

* * *

За чашкой кофе и невеселыми мыслями окончательно прошла ночь, Настя погасила свет. За окном наступил серый и липкий от вечного тумана рассвет, и вместе с рассветом из тумана появился муж. Он, как всегда, открыл дверь своим ключом, и Настя вздохнула: ей совсем не хочется устраивать сцену, она устала от того, что в дом приходит этот чужой, всякий раз словно не пойми откуда берущийся человек. Он так и не стал хоть что-то значить для нее, и теперь она, конечно, может признаться самой себе, что вышла за него чересчур поспешно. Это был ее протест, и довольно глупый. Надо было проявить женскую мудрость, выждать тогда, с первым мужем. Ведь он хотел, он пытался вернуться, он просил у нее прощения, она же сделала все ему наперекор, а оказалось, что не только ему одному, но и самой себе. И вот результат: павлин является домой под утро, и то, что последует дальше, она давно заучила наизусть. Сейчас он запрется в ванной и там станет мыться, отмывая следы своих походов, при этом экономно расходуя воду и всякий раз выключая душ, пока натирается мочалкой. Потом он будет спать оставшиеся до работы два или три часа, а перед тем как вновь уйти из дома, напьется чаю с пресными крекерами и попросит для себя вареное яйцо и бутерброд с сыром. И она станет готовить для него завтрак, а он примется рассказывать о том, где он провел ночь, и ровным счетом никакой в его словах не будет правды. И опять он закурит сигарету, и ее тошнотворный

запах окончательно поставит все на свои места: нет счастья, есть лишь этот рассвет в липком осточертевшем тумане, и эта неудобная квартира, и пустой день впереди.

Однако ни в какую ванную Артур не пошел. Настя услышала его поспешные, обутые шаги, и он появился на кухне, как был – в ботинках, в застегнутом пальто. На мгновение замер, словно не ожидал увидеть ее здесь. Потом вдруг весь как-то сжался и, глядя поверх Настиной головы, положил перед ней листок бумаги, поспешно отступил на шаг, замер.

– Что это? – В утренних сумерках Настя не могла разобрать слов. – Включи свет, Артур, я ничего не вижу.

– Я внизу встретил почтальона. Это телеграмма для тебя.

– Телеграмма?! Откуда?! Из Москвы?! Да включи же ты свет! – Настя, не дожидаясь, потянулась через стол и хлопнула по выключателю. Она взглянула на телеграмму, поднесла листок к глазам и прочла: «Настя, Герман умер, похороны во вторник, Анна Станиславовна».

– Кто такая Анна Станиславовна? – Настя смотрела прямо перед собой и ничего не видела, кроме какого-то расплывающегося темного пятна на белой стенке холодильника. Она машинально задала этот вопрос, произнесла его по-русски, но Квишем понял, ответил, что не знает, что очень сочувствует и соболезнует ей. – Это его мама, вот что... – Настя еще раз прочла телеграмму и только тогда, оправившись от шока, закрыла лицо руками, отвернулась к стене и заплакала. Квишем принялся было утешать ее, взял за плечи, но она дернулась, и он оставил свое намерение сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Что ты намерена делать? – Он достал сигареты, закурил. – Ты должна лететь в Москву?

– Ты удивительно догадлив, – ответила Настя сквозь слезы. – Я с ребенком улетаю сегодня, любым рейсом, как угодно, но мы должны попасть на похороны. Ты можешь заказать билеты?

– Конечно. – Квишем засуетился, расстегнул наконец свое пальто, бросил сигарету в раковину – она отозвалась коротким пшиком, впрочем, напрасным, никто его не заметил. Квишем позвонил куда-то, принялся диктовать имена и номера паспортов, но внезапно осекся, коротко бросил в трубку извинение, попросил подождать. – Анастасия, там спрашивают про дату возвращения...

Она посмотрела на него сквозь слезную пелену и вместо ответа лишь покачала головой. У Квишема опустились плечи. Он ответил по телефону, что обратной даты не будет. Выслушав последние слова агента, выпустил трубку из руки. Та с треском ударилась о кафельный пол кухни...

II

В Москве Настю с сыном встречал ее отец. Он старался держаться, как мог успокаивал дочь, сразу взял внука на руки и вернул Насте ребенка только у машины.

– Как это случилось, папа? – Настя расположилась на заднем сиденье, ее сынишка спал, утомленный перелетом. Им пришлось сделать пересадку в Париже, и путь оказался в два раза длиннее против обычного, прямого рейса из Лондона. В Европе уже давно вступила в полные свои права весна, а здесь, по дороге из Шереметьево, Настя увидела на полях еще не стаявший, почерневший и истощенный дневной оттепелью снег.

– Никто толком ничего не знает, доченька. Кажется, автокатастрофа. Оказывается, это случилось уже больше недели назад, а нам только сообщили. Возмутительно, конечно... Он сейчас в каком-то госпитале, я не знаю, где именно, и никто этого не знает. Похороны за государственный счет, по высшему разряду, полированный гроб на пушечном лафете, военный духовой оркестр. Мы тебе хотели позвонить, да вот его мать предложила дать международную телеграмму, мол, если проблема с билетами, то с такой телеграммой будет легче их раздобыть.

Завтра все собираемся на Пятницком кладбище, его привезут прямо туда, отпоют в церкви, там прямо возле кладбища есть церковь.

– А почему нельзя собраться у морга? – Настя еще плохо осознавала происходящее, и смысл сказанного отцом был ей до конца не понятен.

– Я же говорю, все взяла на себя администрация президента. Оттуда позвонили, сказали, что нам в морге делать нечего, они сами все организуют.

– Папа, разве тебе не кажется это странным? Ведь обычно родные и близкие забирают гроб прямо из больницы, потом едут на кладбище...

Отец лишь пожал плечами. Конечно, странно, но кто их там разберет, этих бывших коллег бывшего зятя? Они – каста избранных, у них свои секреты, в которые лучше не лезть. Может, у них правило есть, может, они именно так своих хоронят...

* * *

Всю дорогу молчали. Проезжая мимо знакомой высотки на Соколе, Настя не выдержала и тихо заплакала. Здесь закончилось их с Герой счастье, здесь он жил после того, как они расстались, отсюда, наверное, вышел в свой последний день... Настя хотела попросить отца подъехать к дому, выйти, подняться на знакомый этаж, но словно обожглась об эту мысль. Кого она рассчитывает там встретить? Призрака? Или соседку, которая станет причитать и тем доведет ее до иступленного желания убежать от самой себя? Нет, нет. Пусть уж все идет, как идет. Может, оно и к лучшему, что завтра сразу на кладбище, а там все будет недолгим и формальным. Настя решила держаться изо всех сил и не раскисать. Она вернулась домой, и помог ей в этом, как это ни кошунственно звучит теперь, ее первый муж. Помог своей смертью. И теперь она начнет новую жизнь здесь, в Москве. Она еще будет счастлива, главное – пережить завтрашний день, и дальше все будет хорошо, ее неприятности на этом закончились. Да, ей жаль Геру, хотя он и перепахал ее жизнь вдоль и поперек. Совсем как та красная вертикальная черта на доске в кабинете главного редактора: слева – жизнь до Германа, справа она же, но уже после Германа, а эта тонкая черта все же имеет толщину, содержание, она и есть то время, когда они были вместе и наполняли друг друга счастьем. Настя не хотела вспоминать обиды, у нее как-то никогда это не получалось. Гера был живой, настоящий, и пусть многое в нем было спорным, пусть кто-то называл его негодяем, считал подлецом, но все же была в нем душа, и Настя эту душу помнила и любила ее.

Оказавшись в родительской квартире, она на какое-то мгновение растерялась: вокруг были женщины в черных платках, и Насте казалось, что их много, тогда как их было всего две – ее мать и мать Германа, та самая Анна Станиславовна, среднего роста, очень подвижная и с протяжным, отчего-то по-астрахански окающим выговором. Женщины суетились вокруг внука, который сразу стал капризен, почувствовав бескорыстную бабушкину любовь. Вновь, как всегда некстати, разнылся зуб, Настя выпила свое обезболивающее и легла спать. Завтра она должна быть в порядке, новую жизнь нужно встретить без слез.

* * *

Похоронная церемония была назначена на одиннадцать часов. Несколько человек – самые близкие родственники – собрались у церковного крыльца за полчаса до начала. Геру пришлось проводить в последний путь совсем немного людей. Но может, оно и верно? Много ли тех в нашей жизни, о ком мы можем сказать: вот мой друг, вот мой брат, вот та, которая любила меня больше самой себя, вот те, кто отдавал последнее, что было у них самих? Что заставляет толпы людей собираться на кладбище? В основном корысть – разумеется, не по отношению к покойному, ему все равно, но похороны – это своего рода фуршет или вечеринка, на которой

можно завязать полезные знакомства. Так бывает на похоронах криминальных авторитетов, влиятельных чиновников, авторитетных политиков... Поверить в искренность толпы можно, когда хоронят большого артиста. У многих и впрямь горе не только написано на лицах – оттиск его остается в душах и всю оставшуюся жизнь потом напоминает о себе.

Гера не был вором в законе, он избегал публичной политики, предпочитая оставаться в тени во время своей работы в администрации. Странно, но публичная слава Кленовского не прельщала. Сказывалась прежняя откатная деятельность, для которой огласка подобна гибели. К тому же на свете – и на этом, и на том, куда теперь ушел Гера, – нашлось бы куда больше людей, при одном лишь упоминании его фамилии разражавшихся отборными проклятиями. Да, этот парень многим испортил жизнь...

Итак, среди провожающих были Геринины родители, до этого не видевшие друг друга много лет, его сестра с третьим по счету мужем (семейная жизнь у девушки как-то не заладилась), его первая жена Маша с двумя детьми от Германа, мальчиком и девочкой, в компании своего нового мужа, бывшего военного летчика, перешедшего на работу в какое-то наземное учреждение, и, наконец, родители Насти и сама она, стоящая в сторонке и с возрастающим изумлением смотрящая на кучку оживленно галдящих родственников. Похоже было, что скорбный повод, по которому все эти люди оказались вместе, их нисколько не огорчал. Никто не плакал, все оживленно болтали между собой, изредка слышались смешки, дети играли в салочки, а Герин отец затеял какой-то спор с отставным военным летчиком, и оба кипятились, отстаивая каждый свою правоту. Лишь папа Насти отделился от прочих, подошел к ней, обнял:

– Как ты, дочка?

– Плохо мне, пап.

Отец сразу всполошился:

– Что?! Сердце?! Может, валидол тебе? У матери возьму сейчас, подожди.

Настя отмахнулась:

– Душа болит. От этого валидол не поможет. Я ведь любила его, понимаешь? Я больше никого так никогда не любила. Я имею в виду, ни одного мужчину я не любила так, как его.

Отец лишь молча стоял рядом, слушал, кивал. Вдруг вспыхнуло где-то поблизости и пошел треск: «Везут! Едут!» К церкви по узкой дороге двигался внушительных размеров кортеж: черный лакированный катафалк, множество таких же черных и лакированных автомобилей. Замыкал процессию монстроподобный военный грузовик с привязанным к нему орудийным лафетом. Миг – и процессия запрудила собой всю небольшую церковную площадь, а множество машин так и осталось стоять в этом узком, кое-как залатанном после зимы проезде. Из машин высыпали какие-то люди, построили родственников в шеренгу, принялись деловито суетиться, вытащили из катафалка закрытый гроб и как есть, не снимая крышки, споро занесли его внутрь церкви. Настя увидела, как из самой длинной машины вылез некий высокий чин федерального уровня и, окруженный толпой охранников, прошел вдоль шеренги родных и близких покойного. Мужчинам пожал руки, женщинам сказал по два-три сочувственных слова, детей потрепал по щеке рукой, облитой черной перчаткой. Настя была в шеренге последней, и чин ее как будто и не заметил, в сопровождении молодых в штатском проследовал вслед за гробом. За ним, как за непрекаемым вожакom, потянулись и все остальные.

* * *

В церкви началось отпевание. Батюшка, ошалело поглядывая на высоких гостей, несколько раз сбился, читая канон, но никто не придавал этому значения. Пока священник распевал псалмы и помахивал кадилом, Настя спросила своего отца:

– А гроб-то почему закрыт?

Тот пожал плечами:

– Не знаю. Может, так положено при церемонии отпевания? Наверное, сейчас откроют. Но открывать никто не собирался. После отпевания все те же люди вынесли гроб на улицу и установили на лафете. Федеральный чин со значением поправил виндзорский узел галстука и произнес небольшую банальную речь в легком миноре.

Хотя Настю сперва и оттеснили на задний план, она все же сумела пробиться поближе к лафету. Толком не зная, к кому тут можно обратиться, она спросила какого-то представительного господина с хищным крючковатым носом и волевым подбородком, отчего нельзя открыть гроб:

– Тут Герины родные, нам всем хотелось бы в последний раз взглянуть на него, проститься по-человечески. Понимаете?

Представительный насупился, отчего-то подергал себя за левое ухо, словно хотел проснуться, и ответил:

– Не на что там смотреть, девушка. Фарш один.

Настя чуть не упала от такого ответа, у нее подкосились ноги, и, если бы не подоспевший вовремя отец, она растянулась бы прямо возле обладателя крючковатого носа:

– То есть как фарш? Что вы такое говорите?

Представительный помрачнел еще больше и раздраженно отрезал:

– То и говорю. В машине он сгорел, ничего не осталось, кроме фрагментов тела. Поэтому хороним в закрытом гробу. И хватит тут вопросов, я вам отвечать не обязан.

Настя, понимая, что спорить с ним бесполезно, отошла, опираясь на отцовский локоть. Меж тем гроб с останками Кленовского сняли с лафета и на руках занесли на территорию кладбища. Большой чин сел в свой лимузин и уехал, за ним исчезли почти все остальные машины. В закрытом гробу останки Геры были преданы земле под звуки военного духового оркестра и плач родных и близких, чье горе в этот невероятно трогательный момент казалось еще более пронзительным. Спустя короткое время все было закончено. Могилу забросали свежей землей, насыпали холмик и завалили его еловыми ветками, цветами и венками. После этого все остатки эскорта, включая орудийный лафет, исчезли, и вновь пустынным стал узкий проезд, бывший столь для многих дорогой с односторонним движением, их последним путем.

Настя уже не могла рыдать. И вовсе не потому, что выплакала все слезы, просто ей в какой-то момент стало казаться, что она попала внутрь некой костюмированной буффонады. И оркестр, и пошлое надгробное слово напыщенного чиновного индюка, и закрытый гроб – веяло от всего этого какой-то странной фальшью. Разумом понимая, что ничего подобного быть не может, что все совершенно серьезно – и даже более чем, – сердцем Настя ощущала странный привкус игры, ненатуральности, лжи во всем происходящем. И чем больше она уговаривала себя, заставляя поверить в то, что видели ее глаза, тем больше все в ней восставало против того, чтобы раз и навсегда уверовать в смерть бывшего мужа. Закрытый гроб, который запретили сопровождать близким родственникам, скорость и деловитость всех этих официальных лиц, многословие крюконосого, но главным образом, конечно, то, что она так и не увидела труп, – все это питало Настины сомнения и в конце концов раздуло их до непомерной величины. С этим уже сложно, даже невозможно было жить. Сомнения требовали, чтобы их опровергли.

Несколько дней после похоронной церемонии Настя тщетно пыталась убедить себя в том, что ее подозрения – несусветная глупость, что фарс, на котором она присутствовала, – это истинные похороны Германа и там, в заколоченном деревянном футляре, на самом деле покоятся сейчас его обезображенные останки. Почти неделю она терпела, пытаясь отвлечься, заняться хоть какими-то делами, но груз неопределенности все сильнее тянул ее, словно якорь, прочно засевший в илистом дне, не давал двигаться дальше, заставляя топтаться на одном месте. Настя поняла, что у нее вряд ли получится начать новую жизнь, не отделившись от этих царапающих душу и сердце якорных клыков.

III

Сынишке надо было делать плановую прививку, заодно и прикрепить его к районной поликлинике, и Настя, положив малыша в коляску, взяла его в короткое путешествие по бесконечно милым ее сердцу московским улицам: Сретенке, Маросейке, Покровке... Поликлиника притаилась где-то там, в переплетении улочек и переулков старой Москвы, и Настя, поглядывая по сторонам и опасаясь лихачей-водителей, без происшествий нашла ее неприметное зданище. В самой поликлинике все прошло довольно гладко, и, выйдя на улицу с малышом на руках, Настя предвкушала столь же спокойную прогулку к дому. Однако коляски, которую надо было оставлять перед входом в поликлинику, она нигде не увидела и, само собой, сразу же решила, что кто-то, позарившись на дармовое, просто-напросто присвоил коляску, нахально умыкнув ее, угнав в неизвестном направлении. Расстроившись и разозлившись на неизвестного жулика, Настя, как была, с ребенком на руках, вышла за ворота поликлиники и почти сразу же увидела знакомую коляску, как ни в чем не бывало стоявшую чуть поодаль, возле какого-то искривленного, с шишковатым стволом, дерева. Кому понадобилось вывозить коляску из двора поликлиники, для Насти так и осталось загадкой. Да и откуда бы она узнала, что это просто какая-то чересчур рассеянная мамаша перепутала коляски, спохватилась не сразу, а обнаружив подмену, не пожелала возвращать невольно присвоенное ею чужое имущество на место, да еще и съехидничала – тут, дескать, как в инкубаторе, даже коляски, при всем своем фасонистом многообразии, и те попадают одинаковые.

Уложив малыша и успокоившись, Настя осмотрелась. На другой стороне дороги она заметила разрытый котлован, рядом копошились несколько рабочих-азиатов, которые размахивали своими лопатами и с жаром спорили о неизвестных Насте вещах. Это зрелище увлекло ее чем-то таким, что поначалу оставалось за рамками ее понимания, на подсознательном уровне, и, лишь очутившись рядом с этим котлованом, Настя опомнилась.

– Эй, женщина, – грубовато, но незло крикнул ей один из азиатов. – Здесь ходить нельзя, опасно, упасть можно. Уходите, пожалуйста! – При этом он потряс лопатой, словно приводя дополнительный аргумент в пользу своего предупреждения.

– Мне с вами поговорить надо, – не сводя глаз с его лопаты, ответила Настя, – очень надо. Дело у меня к вам.

– Дело? – улыбнулся азиат. – Нужны таджики огород, что ли, вскопать? Так вроде еще рановато.

– Нет, не огород, – все еще продолжая глядеть в одну точку, перебила его Настя. – Мне надо кое-что выкопать из земли. Я очень хорошо заплачу.

– О! – Азиат спрыгнул с насыпного края котлована и подошел к ней. – Это запросто, хозяйка. Чего надо откопать? И где?

– Гроб надо выкопать на кладбище.

Рабочий отшатнулся, замахал на нее руками, зло залопотал что-то на своем языке, дважды произнес знакомое Насте слово «шайтан». Его товарищи, давно уже с интересом наблюдавшие за этим разговором и не услышавшие последних слов, сгрудились вокруг него, и рабочий принялся объяснять им, рассказывать, при этом тыча черным заскорузлым пальцем в сторону Насти, а потом, когда все работяги разом возбужденно зашумели, покрутил этим же пальцем у виска.

Настя, ни слова не говоря, пошла прочь, толкая коляску перед собой. Ее охватила какая-то непонятная, загадочная скованность, и она с трудом переставляла ноги. Видимо, желание, которое все прошедшее с момента похорон время она носила в себе, прорвавшись в конце концов наружу, испугало ее своей силой и реальностью. Ровным счетом ничего не соображая, она продолжала медленно, словно в сомнамбулическом состоянии, идти, вытянув перед собой

руки и положив их на ручку коляски. Вот она подошла к переходу через дорогу и, не глядя по сторонам, выкатила коляску на проезжую часть. Тут же раздался визг покрышек по асфальту – какой-то таксист резко ударил по тормозам, его занесло, и лишь благодаря его профессионализму, водительской сноровке и реакции удалось избежать самых ужасных последствий.

– Эй, ты! Ты что, под кайфом, твою мать?! Куда прешь, дура?! – от всей души обматерил ее таксист и укатил по своей надобности.

Настя пришла в себя, ее словно окунули головой в сугроб. На мновение показалось, что не хватает воздуха, но тут же все выровнялось, она перебежала на другую сторону дороги и пошла вдоль по тротуару. Внезапно за спиной послышались торопливые шаги и знакомый голос:

– Эй, хозяйка! А сколько дашь за работу?

IV

Ночь выдалась на диво лунной. Ночное светило, шербоатое, словно голова швейцарского сыра, было в полной силе и щедро дарило свой холодный свет всем, кто выбрал ночной промысел: вора́м, вампирам, волкам. Настя, взбадривая и согревая себя чаем из термоса, прихваченным из дома, молча смотрела, как четверо нанятых ею землекопов ловко раскидывают лопатами свежую землю. Венки были свалены в сторонке, а цветов уже не было – в первую же ночь после погребения их собрали бродяги, загнав ларечникам у метро за скромную мзду, необходимую для приобретения порции высокоградусного счастья.

Лопата одного из азиатов достигла цели. Все заработали еще интенсивнее, залопотали молитвы, имеющиеся в каждой религии на случай встречи с нежитью. Не без труда, с надрывом, с руганью они смогли наконец поднять гроб с положенного ему места и потребовали расчета.

– Но мы же договаривались, – спокойно ответила им Настя. – Вы вскроете гроб, я в него загляну, потом его надо будет зарыть и все вернуть на прежнее место, чтобы не было заметно.

– Нет, нет, хозяйка. – У рабочего зубы отбивали барабанную дробь, так ему было страшно. – Плати нам сейчас, пожалуйста.

– Нет. Я ничего не заплачу, пока вы не зароете гроб. Это точно. – Настя была непреклонна. – Уговор дороже денег.

– Ах, не заплатишь! – осклабился азиат. – Сейчас мы тебя саму здесь закопаем. Плати или...

В этот момент прежде придавленная землей крышка гроба, которая все еще оставалась вогнутой, сама по себе распрямилась, издав при этом довольно сильный звук. Казалось, будто кто-то, находящийся внутри, стукнул по крышке. На бесчестных землекопов этот звук подействовал удручающе: в ужасе побросав свои лопаты, они с воплями разбежались во все стороны, сверкая подошвами в лунном свете, словно римские светлячки, а Настя, тоже до полусмерти напуганная и их угрозой, и этим стуком, замерла на месте, точно парализованная. Но никакие звуки больше не повторялись, и мало-помалу она смогла перевести дух и взять себя в руки.

Гроб был закрыт на два латунных замочка. Настя просто сбила их лопатой. Перекрестившись на луну, она просунула лопату в щель под крышкой и нажала на черенок. Щель увеличилась, Настя, взявшись за крышку руками, подняла и откинула ее прочь. В этот момент луна, поднимаясь над деревьями, осветила гроб, и Настя увидела Германа – он, завернутый, словно мумия, в какое-то белое тряпье, лежал, втиснутый в этот деревянный, обитый изнутри темным атласом футляр. Тихо всхлипнув, Настя упала на колени перед гробом.

– Герочка, милый, значит, это правда! Значит, ты умер! – Сдерживая подступившие к горлу и готовые вот-вот прорваться наружу слезы, Настя протянула руку и коснулась лица Германа. Однако никакой ожидаемой холодной плоти, никакой твердости рука ее не встретила,

а прошла насквозь и захватила пустоту. Не веря еще глазам своим, Настя повторила попытку прикоснуться к телу бывшего мужа, но руки по-прежнему ловили воздух, задевали дно гроба, и даже белые лохмотья, такие осязаемые на вид, оказались все тем же бесплотным миражом.

Луна, окончательно освободившись от редких, но докучливых ночных облаков, оказалась совсем высоко, и тогда вся эта ужасающая ночная картина с разрытой могилой и Настей, в последних вспышках здравого ума безуспешно пытающейся постичь причину бесплотности лежащего перед ней мертвого тела, вся эта достойная ранних поэтических опытов Жуковского сцена стала видна как на ладони. Свет луны пал на гроб, и Настя, охваченная небывалым, незнакомым прежде чувством, замешанным на ужасе и граничащим с мистическим экстазом, увидела, как то, что еще минуту назад напоминало ее Геру, на глазах теряет свои бесплотные очертания, истончаясь, превращаясь в пар, исчезая без остатка. Глядя на опустевший гроб, Настя обхватила голову руками и закрыла глаза. В голове ее все перемешалось, будто какие-то пронзительные искры затеяли там быстрый, молниеносный хоровод. Уже ничего не соображая, как была, не вставая с колен, Настя отползла от разрытой могилы, прислонилась к соседней низенькой, железной, крашенной в желтое оградке и потеряла сознание.

Прыжок в бездну

Москва

Весна 2007 года

I

– Ну что, говнюк, признаешь, что крысил деньги у компании все пять лет?

Сотрудник службы безопасности был подтянутым краснорожим старпером, от которого пахло сильно поношенными боксерскими перчатками и одеколоном «Сальваторе Феррагамо». Рома ненавидел этот запах до тошноты, до желудочных коликов, но дважды в день вынужден был ходить на допросы к этому отставному держиморде и пропитываться миазмами, созданными смесью парфюма и естественного запаха стареющего тела. Старпер терпеливо копал под Рому полгода и выволок на свет немало интересного. Все найденные материалы он аккуратно подкалывал и подшивал в отдельную папку и запротоколировал все с такой убийственной точностью, что вывернуться у Ромы совершенно не получалось, сколько он ни старался. Итогом служебного расследования стал возврат украденных в компании средств в доказанном старпером объеме и позорное, оглушительное падение с карьерной лестницы.

Сейчас, стоя у последней черты, у балконного бордюра, за которым начиналась бездна, он вдруг вспомнил этот случай, а от него нить воспоминаний потекла по лабиринту памяти, словно от клубка Ариадны, не давая заблудиться и безжалостно показывая все горькие события последних лет...

* * *

Все сигареты в смятой пачке оказались сломаны пополам: Рома и не заметил, как уснул вчера вместе с этой пачкой, и всю ночь, ворочаясь, не чувствуя быстро смягчающих картонных уголков, лохматил ее, мял и рвал. Пришлось курить эти ломаные, с выдавленным табаком, кривые сигареты. Одну за одной. Отломанные кусочки он отрывал окончательно, швырял вниз, следя за их полетом. В сумерках кусочки сигарет исчезали из виду, пролетев примерно половину предназначенного им расстояния, где-то на уровне четырнадцатого этажа. Роман не боялся высоты, он привык к ней за те несколько месяцев, что жил в этой квартире – наемной, однокомнатной, где кухня была почти размером с комнату, и неясно было, то ли это комната такая маленькая, то ли, наоборот, кухня большая. Это был высокий панельный дом в Чертаново, неудачный символ ушедшего и благословенного советского времени. Общие холлы и подъезды в доме были гигантскими, квартиры же, наоборот, маленькими, а балконы в них – чуть ли не с грузовик размером. На этих балконах возможно было многое: разводить крошечный огород, ставить раскладную кровать, оборудовать летний кабинет и вообще заниматься чем угодно. Дом сохранил свое прежнее прозвище «экспериментальный», оставшись, по всей видимости, единственным и неудачным опытом: подобные здания никто больше так и не решился возводить.

Квартира стоила Роме недорого. По его расчетам, он смог бы снимать ее около года. О том, что будет потом, где он возьмет деньги, Рома не думал. Он вообще не заглядывал в будущее, оно теперь было ему безразлично. Все, что осталось в его жизни, – это выпивка, воспоминания и непреходящая печаль, которая день ото дня усиливалась, становясь все более невыносимой. Свои прогулки он сократил до перемещений в магазин, расположенный в трех кварталах от дома, которые и совершал примерно раз в два дня. Все остальное время прохо-

дило в бездумном валянии на кровати, в чтении подшивок старых журналов, собранных владельцем квартиры, старым и брюзгливым интеллигентным пенсионером, служившим когда-то учителем химии, в перекурах между бесчисленными стаканчиками крепкой влаги, которой Рома начинал заправлять себя примерно с полудня, когда окончательно просыпался. Соседи по подъезду почти не знали его, он старался ни с кем из них не общаться. Однажды заглянул участковый: проверил документы, задал какие-то проникновенные, с ментовской подковыркой вопросы, но ничего подозрительного в Роме не обнаружил и, откозыряв, исчез.

* * *

Алкоголь медленно изменял сознание: некоторые ощущения притуплял, а некоторые, наоборот, оттачивал до бритвенной остроты. Иногда накатывало желание пофилософствовать, поделиться с ближним своим. Ни ближних, ни дальних у Ромы не осталось, и тогда он устраивался напротив большого зеркала в прихожей, выставлял на шкафчик бутылку и чокался с собственным отражением. Во время таких «накатов» с зеркалом он беседовал, бывало, часами. Поначалу отражение вело себя, как и положено, то есть синхронно отображало все движения владельца, но Роман пил все больше, и спустя некоторое время ему стало казаться, что зазеркальный собеседник позволяет себе жить собственной жизнью: кривляется невпопад, отворачивается. Однажды, в редкий момент прозрения, Рома, опасаясь высказываться вслух, подумал: «Что со мной? Я галлюцинирую? Кто это там, в зеркале? Как же это существо может быть мной, ведь нет в нас ни капли схожести! Что за черные впадины вместо глаз, откуда эти желтые, кошачьи космы, какая-то запекшаяся на подбородке коричневая полоса? Впрочем, это слюна, коричневая от сигарет, а глаза давно ввалились, примерно с тех самых пор, как я перестал ходить в парикмахерскую, вот откуда этот шалаш на голове. И все равно, лицо какое-то не мое. Надо совсем подвязывать с выпивкой, иначе я скоро перестану себя узнавать и превращусь в обезьяну». Потом на время все забылось, воспоминания о пережитом всплеске ужаса притупились и почти перестали беспокоить, словно привычно упирающаяся в спину ретивая матрасная пружина...

Беседы с отражением продолжались до того момента, когда однажды, в очередной раз что-то с жаром доказывая своему безмолвному собеседнику, Роман потянулся за очередной порцией водки и на мгновение отвернулся от зеркала, а когда вновь заглянул в него, то никого не увидел! Он так испугался, что с тех пор никогда больше не заговаривал с тем, кто живет в зеркале, и вообще стал относиться к зеркалам с большой опаской. Даже бреясь по утрам, он прищуривал глаза и сквозь ресницы внимательно наблюдал за поведением отражения, однако его двойник, живущий в зеркале ванной комнаты, вел себя примерно, уходить не собирался и сам брился, похоже, с удовольствием.

Мозг продолжал разваливаться, извилины стирались, словно магнитные дорожки на старой кассете. Рома с опаской стал посещать ванную – однажды, открыв краны, он повернул ручку смесителя и долго настраивал удобную температуру, дважды ошпарив руку, прежде чем решился наконец встать под душ. Здесь, как оказалось, его подстерегал страх, укоренившийся еще с детства: тогда он услышал на улице случайный чей-то рассказ о человеке, поскользнувшемся в ванной. Рассказ заставил мальчика остановиться, прислушаться, покрутить головой и убедиться, что голос рассказчицы (слегка надтреснутый, старушечий), несомненно, исходит из окна второго этажа, распахнутого по случаю крепчайшей жары настезь.

– И убили он, сердешнай, – слезливо причитала в телефонную трубку невидимая старушка, – как есть весь убили. Третьего дня и снесли яво, выходит дело, вот как. Да какие тама поминки? – Теперь, спустя много лет, Рома представлял, как, высказавшись насчет поминок, старушка взмахнула рукой и волнообразно, снизу вверх, колыхнула мягким, откормленным выпечкой телом. – Какие, я говорю, поминки-то?! Он ведь одинокий был, только на пятый

день откель ни возмись родня шустрая на двух машинах подъехала, квартиру делить. А так-то никого у него и не было. Пошел вымыться и упал, да прямо головою-то, да об краны. Ась?! Об краны говорю, головою-то. Ага...

* * *

Изнасилованный алкоголем рассудок шалил, выдавал фобии на-гора, заставлял жить с оглядкой, обращая прежде беззаботного, веселого человека в пугливого субъекта с нервным истощением, по утрам не узнающего себя в зеркале. Все случилось, как случается в горах лавина – ни с того ни с сего вдруг слышится глухой, сотрясающий мир шум, а потом сразу уже и нет ничего, только темень, и забитый снегом рот, и лицо, горящее от соприкосновения с этой холодной лавой, и забота, возникшая от того, что, слава богу, жив и надо теперь выбираться наверх, и ужас от незнания – хватит ли в легких воздуха, сможешь ли теперь выбраться и выжить.

За время своего бодрствования в течение суток Рома обычно выпивал поллитровку водки. Иногда этого не хватало и он добавлял. Водка была отличным лекарством против назойливо преследовавшего его вопроса «Почему я?». Этот паскудный вопрос начинал сверлить Роману мозг в следующую после пробуждения секунду, и бороться с ним можно было только с помощью алкоголя, причем ничего, кроме самой обыкновенной, пролетарской сорокаградусной, не помогало – Рома перепробовал множество других напитков и пришел к данному выводу экспериментальным путем.

Жизни, которая утекала сквозь пальцы, было не жаль. Рома считал, что настоящая, полнокровная его жизнь кончилась несколько месяцев назад, когда столь тщательно выстраиваемая крепость житейского благополучия в одночасье рухнула, оказавшись лишь зыбким воздушным замком. Перспективы Роман не видел и не верил в нее. Он окончательно и бесповоротно тронулся рассудком...

Докурив невесть какую по счету обломанную сигарету, он вздохнул, ушел в комнату, откуда почти сразу же вернулся, держа перед собой табурет. Установил его у балконного парапета, вздохнул еще раз, перекрестился и влез на табурет. За парапетом начиналась пропасть глубиной в двадцать восемь этажей и с твердым асфальтовым дном. О том, чтобы повторить падение Алисы, созданной лучезарным гением Кэрролла, нечего было и думать: никакая куча сухих листьев внизу не ждала, белого кролика с карманными часами поблизости не было видно, да и страна, в которую собирался отправиться Рома, вовсе не имела права именоваться Страной Чудес. Страна самоубийц чудесами не блещет – вместо волшебного сада там лишь унылые, раскисшие от дождя осенние поля, по которым бродят неприкаянные души, обреченные до конца этого мира сожалеть о содеянной ими глупости.

Итак, до пропасти оставался последний шаг. Рома закрыл глаза, и последние несколько лет жизни пронеслись перед ним, словно в туче дорожной пыли...

* * *

Все было как у всех, ничего особенного, ничего выдающегося, обыкновенно... Простенькая школа, воистину «средняя», затем непрестижный институт, из тех, где нужно при поступлении прекрасно знать математику, а значит, с невысоким конкурсом на место. После диплома работа черт знает кем и черт знает где, за две копейки в месяц, потом случайная встреча с одноклассником, который, никаких институтов не закончив, имел уже все жизненные блага в виде собственной квартиры и автомобиля с большими и широкими колесами, да и сам был большим и широким, занимался каким-то шахер-махерским промыслом, одним словом, торговал и был совершенно житейски счастлив и целеустремленно деловит. Роман, выползший из

метро, и этот болван-одноклассник, вылезший из своего добротного автомобиля, чтобы возобновить запас сигарет, встретились (хотя вероятность такой встречи и была невелика, но все в жизни предопределено), а встретившись, разговорились. И одноклассник поднял Рому на смех, узнав, что тот горбатится на каком-то загибающемся производстве, работая «по специальности среди старых грибов, доживающих до пенсии».

– А у меня никакой специальности нету, зато бабла полный лопатник, – заявил одноклассник и угостил Романа дорогой сигаретой из алюминиевой коробочки. – Кручусь, братан. Сейчас жизнь такая, что крутиться надо, тогда бабла будет нормально, а с баблом завсегда все ништяк.

На следующий день впечатленный этими аргументами Рома уволился со своего производства, а спустя неделю нашел себе место торгового представителя в виноторговой организации и начал «крутиться». Довольно быстро он понял, что, не комбинируя, добиться чего-либо существенного на новой должности ему не удастся, и придумал простой, но в то же время действенный алгоритм по извлечению дополнительной, весьма ощутимой выгоды из своего положения. Работал Роман с мелкими магазинчиками, которыми сплошь и рядом владели надменные азиатские мужчины; сумел на бумаге, для начальства, объединить эти осколки в несколько больших торговых предприятий, каждое из которых якобы состояло из многих таких магазинчиков, и получил для этих теперь уже не мелких клиентов новую, довольно существенную скидку. А так как магазинчики расплачивались с ним в наличной форме, Рома, отнимая от их оплат процент несправедливо полученной скидки, со спокойной совестью клал его себе в карман – просто, немного опасно, но чрезвычайно эффективно и без лишних эквивоков. Пообтеревшись в этом мирке, он перескочил в другую, уже более серьезную «контору», где сел в кресло начальника и весьма скоро убедился в том, что алгоритм, который он считал своим детищем, с усердием используют его новообретенные подчиненные. С каждым из них Рома провел профилактическую беседу, после которой выведенный на чистую воду сотрудник начал под страхом разоблачения ежемесячно «отстегивать» шефу круглую сумму. Сотрудников таких было в Ромином подчинении немало, к тому же он постоянно бился за расширение штата и всегда у него был удивительный нюх и на людей, и на ситуацию. Он видел, кого следует принимать в штат, а кто может оказаться «засланным казачком», стукачом, который не сдюжит и с потрохами продаст всю отлаженную систему извлечения прибыли из воздуха, а также заблаговременно чувствовал, когда лучше свернуться и уйти, сохранив добрую репутацию.

Наконец с места начальничка он прыгнул сразу на должность довольно существенную, под каким углом на нее ни взгляни, став коммерческим директором в еще более серьезной организации федерального масштаба с филиалами, разбросанными по всей стране, и с головой ушел во множественные схемы извлечения дохода из всего, из чего на первый взгляд ни копейки уже выжать было невозможно. Деньги, накопленные к тому времени, Рома не тратил, но продолжал их коллекционировать, сам толком не зная, для чего именно. Будущую жену свою он встретил в самолете, когда летел в какую-то командировку, не то в самарский филиал, не то в представительство в Челябинске. И она летела, как несложно догадаться, туда же и с теми же целями, оказалась примерно на той же, что и Рома, должности и произвела на него неизгладимое впечатление всем своим «я», звучавшим у нее в полный унисон с «я» его собственным. Прибыв на место, они поселились в одной гостинице и спустя день или около того переехали в один номер: так было гораздо удобнее, чем бегать с этажа на этаж, когда потребность в очередном сеансе близкого общения становилась для обоих очевидно невыносимой. Вернувшись в Москву и некоторое время попритиравшись друг к другу, они поженились, и вот тогда-то Роман возблагодарил собственную прозорливость, истратив нажитое состояние на обустройство собственной семьи. Как только все накопления были превращены в стены, окна, двери, торшеры, модные кухонные принадлежности, сотки земли, бревна и кирпичи, источник, питавший эти накопления, полностью иссяк. Хитрый лис-безопасник, недавно выпрыг-

нувший из милицейского кителя, принялся быстро распутывать клубок Роминых махинаций, и пришлось Роме, сохранив достойную мину, уволиться «по собственному», пока, чего доброго, не вышло хуже. Ледянящие кровь истории о прикованных в подвалах сотрудниках и пытках, которые к ним применяли обманутые работодатели, гуляли среди офисной братии и воспринимались с ужасом. Пришлось срочно подыскивать новую работу.

Не будучи консерватором, Рома решил попробовать неведомую для себя стезю и устроился закупщиком-снабженцем в организацию, название которой было у всех на устах. Здесь все у него на удивление хорошо заладилось, так как был он к тому времени уже многократно тертым калачом и знал, куда идти стоит, потому что там твердая земля, а куда соваться ни к чему – тут же провалишься в яму с острыми кольями на дне. И так, он числился на хорошем счету, пользовался доверием своих руководителей, в конфликты не вступал, лавировал между струями, ухитряясь не промокнуть, и являлся для всех, незнакомых с его секретным промыслом, эталоном лояльности и честности. Промысел же этот, попросту говоря, состоял в получении регулярной mzды от нескольких фирм-поставщиков за предоставление им некоторых преференций, но так, чтобы это не слишком бросалось в глаза.

Рома стал классическим откатчиком, и до поры до времени все у него шло хорошо – человеком он был обаятельным и ни в ком никогда не вызывал отторжения, желания побольнее пнуть, насплетничать. Ему доверяли. Начальство считало его неподкупным и грамотным специалистом, частенько подкидывало премии, которые он и принимал с кроткой благодарностью, хотя в сравнении с его теневыми доходами премии эти были сущим пустяком. Женщины, все, сколько их было поблизости, доверяли свои сердечные тайны и плакались в жилетку, спрашивали совета, и Рома советовал, у него это хорошо получалось, а заодно не проходил мимо соблазна утешить какую-нибудь красотку у нее в постели. Бабушки доверяли ему перевести их через улицу, что он и делал, будучи весьма доволен собой и нравоучительно приговаривая «твори добро». Малыши показывали пальцем, улыбались, высовывали розовый язык – дразнили дядю, казавшегося им добрым и безобидным сказочным королем-недотепой. Бродячие собаки на Романа не лаяли, стеснительно жмурились и, повиливая хвостом, убегали... И все в таком роде. И был он счастлив, как может быть счастлив человек, у которого все есть, все хорошо и во всем полная чаша. Иногда он вспоминал слова дубины-одноклассника и порывисто благодарил Бога за ту встречу.

Все счастье рухнуло в течение нескольких дней, показавшихся Роме краткими до нелепости мгновениями, потому что помнил он из этих дней лишь какие-то вспышки, а затем болезненные толчки где-то в левой половине груди. С работы его буквально выбросили, с треском, с волчьим билетом, с гарантией, что больше ни в одно приличное место его не возьмут. Жена такую перемену в статусе не одобрила, наладилась по любому поводу закатывать скандал. У нее самой все было в порядке, и вскоре после Роминого увольнения ее стал подвозить к дому чей-то нескромный автомобиль. А потом случилось несчастье с их крошечным сыном. Настоящее, наивысшей пробы, ничем не компенсируемое горе – малыш выпал из окна...

Жена выгнала Рому из дома, обвинив во всем, что только есть в мире предосудительного.

– Я никогда тебя не любила, – вот что заявила она и выставила его чемодан за дверь, а вместе с чемоданом и самого Романа. Вернуться, заявить свои права на принадлежащую ему половину имущества он не захотел, снял первую свою квартиру и начал пить в тихом одиночестве, порой разбавленном случайными связями.

По мере усиления своего сумасшествия Рома, что называется, срывался. Нервы вытворяли с бывшим успешным карьеристом возмутительные клоунские проказы, и он становился непохожим сам на себя: крушил все вокруг, начиная с предметов мебели и заканчивая отношениями с мимолетными пассиями, потом долго и мрачно об этом сожалел, пытался что-то исправить (не мебель, разумеется), но испорченные отношения восстанавливаться отказывались, и вновь он был один, в своей наемной квартирке, в спальне, на белье, которое менял

от случая к случаю, обычно когда проливал на кровать вино. И каждый его день напоминал предыдущий, и все, что ему предлагала жизнь, можно было пересчитать по пальцам одной руки: пить, валяться на кровати, смотреть в зеркало, совершать ради разгона собственного отчаяния всякие антиобщественные поступки и прокручивать электронную записную книжку в телефоне, с усмешкой разглядывая имена людей, которые в случае, если бы он позвонил им, ни за что не ответили бы на звонок. В мире практицизма не любят и боятся неудачников, как раньше боялись ведьм и прокаженных.

* * *

Вот он, край жизни: бетонный, узкий, шириной в несколько сантиметров. Роман перекрестился еще раз и влез на парапет. Замер, балансируя.

– Эй! Ты что делаешь-то?! – голос соседа, вышедшего на соседний балкон, отвлек Рому от поддержания равновесия. Он взмахнул руками в последней попытке поймать ту единственную, невидимую и спасительную точку опоры, но не смог и беззвучно рухнул вниз.

Падение представилось ему, словно набирающий скорость вагон метро: ветер все сильнее гудел в ушах, сердце оказалось где-то в животе, и неумолимо надвигалась казавшаяся сверху такой крошечной асфальтовая площадка возле подъезда, на которой замерло несколько автомобилей. Он чуть не умер еще в воздухе: от страха, от отчаяния, что ничего нельзя теперь вернуть назад. Жить вдруг захотелось так сильно, что Рома заорал, и в тот же момент почувствовал, что больше не падает неумолимо и стремительно, а стоит в воздухе на уровне пятого или шестого этажа. Вдруг он увидел прямо перед собой призрачные очертания человеческой фигуры, чье-то лицо с едва различимыми, искаженными чертами. Этот из воздуха вылепленный незнакомец держал его под руки, и вместе они тихо, словно на парашюте, опускались. Перед тем как ноги Романа соприкоснулись с асфальтом, призрак обвил его руками и ногами, вжался в него так, что на мгновение сердце обожгло холодом, затем словно окатило кипятком мозг и нечем стало дышать, но ощущение это быстро прошло. Призрак исчез, словно его никогда и не было. И остался двор, посреди которого Роман стоял, озираясь по сторонам так, словно впервые здесь оказался, и редкие, не обращающие на него внимания прохожие, и лишь высоко-высоко, на балконе двадцать восьмого этажа наблюдавший за его падением сосед, помешавшись от увиденного, пытался прикурить сигарету со стороны фильтра.

II

Рассвет ударил по глазам из-за неприкрытой шторы, и Рома поморщился, повернулся на другой бок, но тут же вскочил, словно ошпаренный, с диким воплем хватая руками воздух. Он все еще падал вниз, хотя видел, что все это не более чем сон, что он в своей комнате, на часах начало пятого утра, а балконная дверь открыта и в нее порывом ветра затянуло белую тюлевую занавеску. Далеко-далеко, на восточном краю небес, появилась оранжевая полоса света и с каждой секундой все более ширилась, предвосхищая самое важное, самое главное событие жизни – восход солнца. Рассвет видят только живые, и Рома, охваченный небывало трезвым и дивным ощущением реальности, принялся ощупывать себя, убеждаясь в собственном существовании, в теплоте кожи, в тяжелом запахе утреннего пота, который ему тут же нестерпимо захотелось смыть. Удивляясь тому, что он не склонен ничему удивляться, Рома прошел в ванную, где без всякой боязни принял душ и, не прикрывая глаз, выскоблил подбородок «Жиллеттом», затем проследовал на кухню, где соорудил себе приличный завтрак из глазуньи, бутерброда с сыром и сладкого чая с лимоном. Выйдя на балкон, он хладнокровно перегнулся через парапет и не увидел ни малейшего следа своего вчерашнего прыжка. Табурет стоял на прежнем месте, Рома отнес его на кухню. В дверь позвонили, он открыл. На пороге стоял сосед,

тот самый. На соседа было страшно смотреть: он был мертвецки пьян, глаза его безумно вращались против часовой стрелки, руки тряслись.

– А! А-а-а! – заорал сосед и ринулся в свою квартиру. Рома пожал плечами и закрыл дверь. Через некоторое время он услышал душераздирающие трели «Скорой помощи», а спустя еще минуту-две – частые шаги на лестничной площадке. Любопытство одержало верх, и Рома осторожно приоткрыл входную дверь, выглянул наружу. Соседа, закутанного в смирительную рубашку, под руки выводили санитары с одутловатыми лицами, один из них угрюмо слушал тревожные расспросы соседской жены, растрепанной дамы в халате, накинутом поверх ночной сорочки.

– У него что же, белая горячка? – спрашивала соседская жена.

– Ну-у... – неопределенно мычал санитар.

– Он говорил, что видел, как наш сосед с балкона прыгнул, а потом обратно прилетел как ни в чем не бывало! – не унималась женщина, машинально затягивая третий узел на пояске халата.

– Ну, раз прилетел обратно, значит, белая, – раздраженно ответил санитар и, скрываясь в лифте, бросил: – Вылечим. Не впервой.

Рома дождался, пока лифт закроется, вышел на площадку и кашлянул, привлекая к себе внимание соседки:

– Простите, что случилось?

– Господи Иисусе! – заверещала та. – Чур меня! Чур! Это ведь ты с балкона-то! Господи!

Рома пытался ей что-то сказать, но соседка, не слушая его, так саданула дверью, что эхо раздалось, казалось, на другом конце Москвы.

Насвистывая какой-то мотивчик, Роман оделся, вышел на улицу, ненадолго заглянул в хозяйственный, откуда вышел с увесистым пакетом в руке, затем доехал на троллейбусе до ближайшей станции метро и уже подземкой добрался до «Аэропорта». Действовал он так, словно в нем была заложена какая-то программа и каждое движение, каждый шаг были им много раз отрепетированы. От метро «Аэропорт» он пешком добрался до нового высотного дома, обнесенного оградой, и проник сквозь нее, просочившись в калитку следом за бородачом интеллигентного вида, по всей видимости, жильцом, знающим комбинацию замка. В дом Роман заходить не стал, а направился прямо к припаркованному в дальнем углу «Ауди» синего цвета. Подойдя к автомобилю, он вытащил из пакета молоток и ничтоже сумняшеся разбил им боковое стекло. Заорала сигнализация, но Рома был уже в салоне, пошарил, нагнувшись, под водительским креслом и нажал какую-то хитрую кнопку, отчего сирена мгновенно смолкла. Рома открыл багажник, в котором обнаружилась дорожная сумка с выдвижной ручкой и на колесах. Сумку эту он доставать не стал, а вытащил из нее матерчатый кейс, в каких обычно носят ноутбуки, повесил его на плечо и немедленно покинул двор высотного дома тем же способом, что и проник в него, на сей раз с помощью какой-то старухи-собачницы, увлеченно ругавшей свою не то болонку, не то еще черт знает что за существо – мелкое, визгливое и до невозможности лохматое.

В кейсе, который он открыл, вернувшись домой, оказались деньги – несколько упаковок – и какие-то документы в конверте. Рома раскрыл книжечку заграничного дипломатического паспорта зеленого цвета. С маленькой фотографии на него глянуло чье-то незнакомое лицо. «Кленовский Герман Викторович», – прочитал он. Помимо паспорта был в конверте авиабилет и какие-то по-испански заполненные гербовые бумаги, в которых Рома смог разобрать лишь два слова: casa, что значит «дом», и Tenerife. Содержимое конверта он тут же уничтожил: порезал ножницами на мелкие частички и смыл их в унитаз, а кейс раскромсал ножом и спустил в мусоропровод. На столе горкой остались лежать деньги. Он принялся считать их и дважды сбился, при этом весело ругнувшись. Окончив подсчеты, Роман собрал свои вещи в тот самый

оставленный ему супругой чемодан, написал короткую записку хозяину квартиры и оставил ее на виду вместе с ключами.

«В вашей халупе, – написал Рома, высунув кончик языка и зачем-то дую на пальцы левой, незанятой руки, – становится так хреново, что чувствуешь себя, как вдова маршала Блюхера на озере Хасан. Не ищите моих следов, я покинул этот курятник сквозь окно».

Проходя мимо зеркала в прихожей, он показал своему отражению оттопыренный средний палец руки и, хлопнув дверью, навсегда исчез из экспериментального чертановского дома с большими балконами, маленькими квартирами и соседкой, всерьез помышлявшей о разводе с тронувшимся супругом.

Спасенный из воды

Перавис

*Вторая половина XIII века до нашей эры,
период 9-й династии фараонов Египетских,
правления Рамзеса Второго-Сетепенры
и Меренптаха-Баенры*

I

Едва лишь первые лучи солнца осветили золотую башню фараона, как ударил колокол, подвешенный на железной балке, укрепленной на двух изрезанных фигурными надписями каменных столбах. Этот колокол своим могучим альтовым звоном, более похожим на стон исполина, будил весь город, и казалось, что голос его проникает повсюду и нет во всем Перависе – великой столице империи Бога-солнца Озириса и сына его Рамзеса Богоподобного – такого места, которого не достиг бы этот звук. Казалось, что даже там, далеко за городской стеной, где в подземных святилищах Сета при свете горящего пальмового масла совершались закрытые от смертных мистерии, был слышен колокол, и на миг в подземельях становилось темно. Огонь в светильниках сам по себе угасал, чтобы в следующий момент возродиться. Служений в это время не проводили, а те, кто никогда не выходил из подземелий, дав обет перед Сетом Великим, лишь благодаря колоколу знали, что наверху, в иной, отвергнутой ими жизни, наступил новый день, еще одна победа света, столь ими ненавидимого, над ночью, которой они поклонялись.

Вместе со звуком колокола открылся базар, и вмиг вся его площадь, гигантская, мощенная каменными плитами, огласилась ревом животных – и тех, которые были выставлены для продажи, и тех, что доставили товар с дальних порогов Нила, от рубежей великой тысячелетней империи. Сидевшие в шатрах купцы вытолкали наружу зазывал-мальчишек, пусть расхваливают товар: фрукты, специи, конскую сбрую, драгоценности – словом, все, чем Перависский базар может ошеломить простого смертного, забредшего сюда с намерением истратить дебен-другой.² К серьезному покупателю купцы выходили сами, приглашали в свои шатры, поили цветочным отваром с добавлением меда и так, за степенным разговором, совершали сделку.

Скот продавали в самом дальнем от входа углу площади. Место это было обнесено изгородью с тех самых пор, как однажды взбесившийся бык, сорвавшись с привязи, перетоптал и изувечил рогами множество покупателей на расположенном по соседству невольничьем рынке как раз в тот момент, когда шла решающая торговля сразу за четырех прекрасных рабынь-сестер из северных земель, которых их владелец отчего-то решил не продавать по отдельности.

Еще совсем недавно запах навоза смешивался здесь с запахом рабов и некрепкого, впервые попавшего в эту часть базара человека мог запросто свалить с ног. Теперь же рабов перед продажей мыли в медных чанах, а на скотном дворе по личному приказу городского наместника каждый из торговцев должен был засыпать навозные кучи соломой из сухого тростника. Эта мера пусть и немного, но исправила положение с неприятными запахами, да и дела на невольничьем рынке пошли заметно лучше. Теперь здесь стали бывать даже аристократы и члены семьи самого Рамзеса Великого, да продлят боги его жизнь в Нижнем мире, да встретят его в Верхнем с той же пышностью, какой окружил он себя здесь, выстроив Золотую башню, а вокруг нее и новую столицу – прекрасный Перавис.

² Дебен – денежная единица Древнего Египта, брусок весом до 100 г серебра, разрубленный на 10 частей.

Суэта на базаре меж тем продолжала набирать обороты. Еще два-три часа, и яростные лучи высоко поднявшегося солнца сделают на базарной площади невыносимым. Камень раскалится так, что будет жечь пятки даже через подошвы кожаных сандалий, и до той поры, пока солнце не пройдет зенит, торговли не будет, а значит, надо успеть завершить все дела до наступления палящей жары.

Хемур, высокий и тощий, как щепка, продавец рабов, придиричиво осматривал свежий товар, только что прибывший из Финикии своим ходом, и кадык его недовольно ходил вверх-вниз: рабы имели до того жалкий вид, что понадобилось бы не меньше двух недель, чтобы превратить этот замученный скот в нечто, имеющее хоть какую-то ценность, продать же их в том виде, в каком они пребывали теперь, означало ничего не заработать, а то, чего доброго, еще и потерять вложенное. Но выхода у Хемура не было: после потери корабля с невольниками из Хананеи он остался должен, а кредиторы ждать не собирались. Если не собрать в ближайшие несколько дней столько серебра, сколько требуется, его поволокнут в суд фараона, а там разговор короткий: вывезут подчистую все имущество, а самого, чего доброго, закуют, выжгут на лбу долговое клеймо и сошлют под Фивы, на строительство храма Озириса. Туда сейчас сгоняют всех, кто хоть в чем-то про штрафился: стройке не хватает рабочих рук, а мрут там сотнями – и рабы, и подданные Рамзеса Богоподобного – без разбору.

– Что ты с ними делал по дороге? Совсем не кормил? Опять присвоил большую часть денег, которые я давал на еду для рабов? – Хемур обращался к старшему надсмотрщику Ипи Хромому. Прозвище свое тот получил, сломав ногу после неудачного падения с лошади: нога срослась неправильно, став намного короче, и Ипи не ходил даже – ковылял, сильно заваливаясь на правый бок.

Надсмотрщик ответил не сразу. Он снял с себя кошель, вывернул его наизнанку и с преувеличенным почтением, весьма похожим на издевку, положил кошель перед Хемуром:

– Вот все, что осталось от тех денег, господин мой Хемур. Они кончились за четыре дня до Перависа, и если бы не моя предусмотрительность, то мы потеряли бы всех рабов и сами передохли бы от жажды и голода. Наши раздувшиеся на жаре трупы сейчас заносило бы песком Синайской пустыни, – запричитал Ипи, искоса поглядывая на хозяина, характер и повадки которого он знал наизусть, так же как и скверный норов собственной короткой ноги.

– Всех рабов?! – Хемур впал в ярость. От этого он, казалось, высох еще больше и стал напоминать медный гвоздь. – Что значит – потеряли бы всех?! А скольких же вы потеряли, в таком случае?

Ипи вздохнул, еще больше втянул голову в плечи и спокойно ответил:

– Половину, господин. Но поверь, моей вины тут нет. Если бы мы отправили их на весельном плоту вверх по реке или морем, как в прошлый раз, то сохранили бы почти всех, но при этом мы отдали бы перевозчикам уйму серебра, а сделать этого мы никак не могли, ведь того, что было у нас с собою, едва хватило на покупку невольников после длительного торга и на сносное для них пропитание. Последние четыре дня я содержал их из собственной, мне положенной награды и, признаться, сам теперь гол, как щипаная кошка. Не мог бы ты, о Хемур Достопочтенный, сын Мангабата, возместить мне мои убытки сейчас же? Ибо не имею я чем питаться и чем утолить жажду, – сокрушенно попросил Ипи.

– Ах ты вонючий, хромой, лживый осел! – Хемур затопал ногами, и его белый, доходивший до колен хитон затрепетал, будто полотнище шатра при сильном ветре. – Пусть тебя проклянут боги! В прошлый раз та дырявая посуда, которую ты нанял, утонула, а нынче ты погубил половину товара, присвоил деньги и теперь еще имеешь наглость просить меня возместить тебе какие-то твои убытки?! Я размозжу твою голову об эту каменную плиту под ногами, если еще раз заикнешься мне про убытки! Это у меня убыток, да такой, что я вынужден буду продать весь этот замученный тобою скот за гроши и все равно останусь должен этим двум бесчестным ростовщикам Метену и Мерсу, пусть их скорей призовет к себе Анубис! А вот

на что я куплю новых рабов, не знает никто! Тех, которых ты отправил морем, убил шторм! Почему ты не поплыл с ними вместе, Ипи-вор?! Лучше бы ты утонул, тогда я всем говорил бы, что Хромой – честный человек, хотя, конечно, и дурак. О боги, за что вы возненавидели меня, за что лишаете всего состояния, почета и уважения людей? Ипи, осел, скажи мне, где среди тех, кого ты привел, крепкие молодые мужчины? Где молодые девы, чью красоту можно было бы увидеть и под нынешним слоем грязи, которая сделала их лица черными, точно уголь? Я вижу здесь лишь стариков, старух, уродин и малых детей. Кого же ты привел мне?

– Остальные передохли, – все так же невозмутимо ответил хитрец Ипи и, подняв кошель с каменной плиты, той самой, о которую минуту назад хозяин грозился разбить его голову, как ни в чем не бывало вновь прицепил его к поясу. При этом за пазухой у него что-то подозрительно звякнуло, и Хемур уже готов был повалить своего старшего надсмотрщика наземь и поглядеть, что это там может так заманчиво звенеть. Уж не его ли, Хемура, серебряные дебены, утаенные этим хрым плутом? Но желание свое Хемур осуществить не успел: где-то совсем поблизости раздался пронзительный звук горна и мощный, отдающийся в груди и висках барабанный бой. Звуки эти могли означать лишь одно явление на свете: сам фараон или кто-то из его многочисленной семьи решил осветить своим богоподобным ликом базар в столь ранний час, что само по себе было не только необычно, но и вообще невероятно, немислимо и не укладывалось ни в какие правила, являясь редчайшим и единственным на памяти Хемура случаем за всю его более чем пятидесятилетнюю жизнь.

* * *

Впереди шел отряд нубийской стражи: двухметровые детины в доспехах из вызолоченного железа, защищавших ноги до колена, плечи и руки от запястий до локтя. Нубийцы держали круглые, полированные до зеркального блеска щиты, которыми в бою не только отражали удары, но порой и ослепляли противника. Свободная рука каждого стражника лежала на рукояти меча. «Значит, не фараон, – подумал знающий толк в делах подобного рода Хемур, – значит, кто-то из детей фараона. Когда сам Рамзес выходит на прогулку, то стражи гораздо больше и мечи она держит наголо, а кроме того, есть среди нубийцев фараона еще и такие, кто вооружен копьями».

За черной нубийской стражей шли жрицы – девушки в простых, без малейших признаков украшений, белоснежных хитонах, но не было на свете такого украшения, которое могло бы хоть как-то подчеркнуть или приукрасить их утонченную, возвышенную красоту. То было сочетание непорочности и граничащего с божественным совершенства. Девушки-жрицы. Их присутствие в процессии подсказало Хемуру, что в паланкине – легких, украшенных золотыми крыльями носилках, которые несли по пять телохранителей с каждой стороны, – могла находиться только принцесса Кафи, единственная дочь фараона, обожаемая своим отцом и боготворимая простолюдинами, которые считали ее доброй богиней, живущей среди людей.

Хемур и пройдоха-надсмотрщик рухнули на колени. Их поклон, как и подобает в подобных случаях, был самым низким, лбы упирались в каменное покрытие площади (подкладывать при поклоне руки под голову было запрещено). Хемур прошипел так, чтобы Хромому Ипи было хорошо слышно:

– Сейчас они пройдут, и тогда я с тобой за все посчитаюсь.

Но, к величайшему удивлению соседей торговца живым товаром, вся процессия остановилась прямо возле помоста, на котором Хемур выставлял рабов для продажи. Нубийцы кольцом оцепили помост, оттеснив зевак, без всяких церемоний орудуя своими щитами на манер тарана. Удар нубийского щита то и дело отбрасывал какого-нибудь нерасторопного бедолагу на несколько шагов. Меж тем паланкин опустили, при этом оказалось, что его нижний край по-прежнему находится довольно высоко от земли. Во всяком случае, той, которая собиралась

покинуть сейчас паланкин, пришлось бы вылезать из него без всякой торжественности. Трое телохранителей немедленно образовали живую лестницу, в которой роль ступеней играли их крепкие спины, и Кафи, опираясь на посох, сошла по этой лестнице на землю. Посох в руках ее был символом верховной жрицы Изиды – лишь дочь фараона могла занимать столь высокое место, и не будь у Рамзеса дочери, этот пост хранила бы местоблюстительница, избираемая на срок в один год, принцесса же наследовала титул верховной пожизненно. Одежда Кафи разительно отличалась от одежд всех других членов ее окружения, не говоря уж о коленопреклоненной толпе. Ткань мантии принцессы-жрицы была выкрашена драгоценной пурпурной краской и расшита вертикальными золотыми нитями. Голову Кафи покрывал высокий, прямоугольной формы убор темно-синего цвета, на гранях которого были вышиты понятные лишь немногим посвященным символы, для всех остальных, в таких делах несведущих, представлявшие собой некий тайный, почитаемый за божественный язык. Язык этот полагалось знать лишь жрецам, которые строго хранили тайну, а за любое слово, произнесенное кем-либо вслух, нарушителя ждала невероятно мучительная казнь – его привязывали к столбу и лоскутами, медленно сдирали с живого кожу. Столь сильное устрашение у кого угодно отбивало охоту лезть в дела жрецов и держало непосвященных профанов в стороне от тайного знания, доступного лишь немногим на всем огромном пространстве от Авариса до Элефантина.

В качестве подспорья при ходьбе Кафи в посохе не нуждалась, он был необходим ей лишь как элемент костюма, как символ ее верховного предстоятельства. Она была еще молода: не далее чем три месяца назад принцесса встретила свою двадцать седьмую весну, и красота ее была в самом пике своего расцвета. Жизнь человеческая в те времена часто пересекала отметку в сто лет. Земля была еще столь мало населена, что не знал род людской ни моровой язвы, ни прочих укорачивающих жизнь напастей, а жрецам было открыто искусство сохранения молодости и красоты, унаследованное ими из древнейших времен, когда Землю населяли боги, летающие по воздуху в своих чудесных колесницах. Словом, Кафи лишь подходила к пределу своей первой жизненной фазы.

Величаво ступая, выставив вперед посох, она подошла к распростертому Хемуру и велела тому подняться:

– Встань, хозяин рабов, я желаю видеть твое лицо.

Разрешение стоять в присутствии царственной особы, да еще и смотреть прямо на нее, было сомнительной привилегией. В обычное время без специального дозволения поступок этот мог привести к самому печальному исходу: нарушителя обычно казнили, распиная заживо. Хемур несмело поднял глаза на принцессу. Его прежняя победоносная ярость угасла без остатка, а кадык теперь судорожно ходил под кожей оттого, что Хемур часто-часто сглатывал противную кислую желчь, вместе со страхом поднявшуюся из желудка.

– Сколь же ты тощ, работорговец. Какая болезнь точит тебя изнутри и забирает все соки из твоих членов? – Принцесса внимательно смотрела на Хемура, и под ее взглядом он чувствовал себя просто отвратительно. Казалось, что его вот-вот вытошнит прямо перед ней, и тогда, а в этом Хемур был уверен, один из нубийцев в два счета снимет ему голову своим мечом.

– М-м-м... – замычал работорговец. – Я... меня никакая болезнь не точит, о жрица, дочь великого Рамзеса, да продлят боги дни вас обоих. Я лишь смиренный слуга фараона, скромный торговец рабами.

– Вот как? – Кафи насмешливо прищурилась и кончиком своего посоха слегка ткнула Хемура в живот, отчего его тошнота мгновенно и бесследно исчезла. – Тебе стало легче?

– О! – только и смог вымолвить работорговец и, не в силах сдержать переполнявшие его чувства, вновь упал на колени, отчего немедленно заработал теперь уже удар посохом по темени, и притом совсем не целебный.

– Я кому сказала встать?! У меня к тебе дело, торговец. Есть у тебя место, где я смогу говорить с тобой с глазу на глаз?

Хемур с поклонами, изгибаясь, словно гигантская гусеница, проводил принцессу Кафи в свой шатер, куда она вошла следом за ним и уселась на единственную имевшуюся скамью, Хемур же с почтением остался стоять.

– Намерен ли ты устроить сегодня невольничьи торги? – спросила Кафи, по-прежнему не сводя с него глаз.

– Да, если на то не будет твоего запрета, о жрица, дочь ве...

– Довольно титулов. – По царственному лицу пробежала нетерпеливая тень. – Все ли рабы из тех, кого собираешься продать сегодня, новые? Нет ли среди них кого-нибудь, не проданного тобою ранее?

– Все новые, все. – Хемур сложил руки на груди, что, по его разумению, означало добрые намерения и правдивость. – Их только что доставили из Финикии, принцесса. А потому нет среди них никого, не проданного ранее, что большое горе постигло меня, и все до единого рабы, посланные мне морем в прошлый раз, потонули вместе с кораблем, а тех, что были у меня еще раньше, я давно продал. Да и те, кого привели мне сегодня, уменьшились числом во время пути ровно вполовину. Я в большом убытке, о дочь богоподобного. Если сегодня не рассчитаюсь с ростовщиками по имени Метен и Мерс, то они отведут меня на суд фараона, и вскоре я сам займу место тех, кем нынче торгую. Видно, так решили боги, – смиренно вздохнул Хемур, и лицо его приняло отрешенное выражение.

– А скажи мне, – казалось, Кафи на миг потеряла самообладание, – есть ли в числе твоих рабов мальчик-иудей не более пяти лет от роду?

– Я не знаю, о жрица, я еще не успел всех осмотреть должным образом, но маленького еврея я как будто не видел. Нет-нет... – Хемур наморщил лоб, – кажется, его не было. Мои невольники все сплошь евреи, привезенные финикийскими купцами. В Палестине сейчас смертельная засуха, и евреи продаются в рабство целыми семьями, лишь бы выжить, а потом финикийцы с большой выгодой перепродают их в Египет. Нетрудная у них работенка, что и говорить. Путь из Тира в Перавис очень долог, и, верно, тот мальчик, о котором ты спрашиваешь, погиб в дороге от слабости и лишений.

Кафи порывисто вскочила со своего места, и Хемур пришел в ужас от того, что за выражение приняло ее лицо. Из прежнего прекрасного оно превратилось в одну из тех масок, коими был известен шестой торговый ряд на Перависском базаре. Там продавали всякие чудеса, доставленные отовсюду: из глубин континента, из Ханы, Месопатамии, Пальмиры, из более далеких заморских неведомых стран. И были там в числе прочих диковин и вот такие маски: уродливые, страшные лица злых духов, ложных богов, которым молились чужеземцы. Глаза Кафи обратились в две черные щели, рот стал точкой в обрамлении бледных губ, лоб казался еще выше, и теперь не было в лице жрицы ничего человеческого.

– Если ты, мерзкий ничтожный дурак, погубил этого мальчика, то еще до заката солнца твоя голова будет торчать на копье посреди этой площади, – прошипела жрица Озириса. – Веди меня туда, где ты держишь своих рабов, и горе тебе, если среди них я не найду того, кого ищу.

Хемур униженно закивал и, опасаясь чего угодно – удара посоха, тайного слова, от которого, как он слышал, у человека мгновенно останавливается сердце, – повел принцессу к деревянному загону, к клетке, в которой, словно животные, изнемогая от усталости, томились рабы общим числом чуть более трех дюжин. Нет, определенно он помнил, что мальчика среди них не было, но сейчас Хемур более всего на свете жаждал найти его там. Быть может, его мать спрятала своего пащенка под одеждой или в тот момент, когда Хемур осматривал доставленный мошенником Ипи товар, мальчишка куда-нибудь заполз, затаился где-то, и никто его не заметил? Быть может. Ведь если это не так, то тогда!.. Хемур, подгоняемый звуком шагов принцессы, идущей следом за ним, прикоснулся к своему острому, сильно выпирающему кадыку – горько будет, если жизнь его вот так и закончится: голову отсекут и, нанизав на копье, выставят посреди базара на всеобщее осмеяние.

Застучала о дерево цепь, распахнулись ворота загона, и всех до единого рабов выгнали прочь, велел им выстроиться в шеренгу. Ипи вертел над ними своим бичом, связанным из сотен тончайших кожаных ремешков, с железными крючьями на конце:

– Эй вы, быстрее! Стойте, не шевелитесь. Расстояние друг от друга на длину вытянутой руки! Да быстрее же! Что непонятного? – отдавал Хромой Ипи команды на арамейском, и очень быстро перед принцессой Кафи выстроилась цепочка измученных, ободранных и грязных людей. Здесь были женщины и девы, юноши и старики и ни одного взрослого мужчины. Все они пали от руки Ипи и его отряда, после того как решили поднять бунт, вздумали протестовать против разлучения маленького мальчика с его родителями. Под страхом смерти Ипи запретил оставшимся в живых рассказывать то, чему во время пути они стали свидетелями...

II

...Им оставалось не более двух дней дороги, когда случилось неслыханное, казавшееся для пустыни невероятным событие. Безоблачный прежде небосклон вдруг почти мгновенно почернел, от горизонта до горизонта расчертили его молнии, и под аккомпанемент ужасающих громовых раскатов начался такой ливень, будто там, наверху, кто-то опрокинул на землю море, по которому плыла лодка Озириса, дарующего свет солнца всему живому. Казалось, что наступил конец света, разразился новый потоп, и теперь все вокруг окажется залитым дождем и уйдет под воду. Рабы, оставленные без внимания напуганной охраной, сбились в кучу, пали на колени и, простирая руки к небу, молились. Слов их не было слышно, лишь отчаяние видел Ипи на их лицах. Сам он вот-вот готов был поддаться панике и сдерживался из последних сил, подавая пример своим более малодушным людям. В свете молний он принялся осматриваться, дабы найти хоть какое-то укрытие, но до ближайшего города был день пути, а вокруг только песок пустыни. И вот при очередном всполохе, сопровождаемом невообразимым грохотом, Ипи увидел, как приближаются к нему трое всадников на черных конях.

Еще мгновение назад поблизости никого не было заметно, и эти трое появились, словно из наполненного запахом молний и гибели воздуха. Грубый надсмотрщик, чья душа не знала сострадания, чей рассудок жил лишь примитивным расчетом и сиюминутной выгодой, а вера была отодвинута куда-то на задний план, теперь решил в порыве мистического ужаса, что это за ним явились черные духи Анубиса – подземного божества, властелина Царства мертвых – и сейчас заберут Ипи с собой за все его жестокости. Хромой не раз слышал, как о том или ином без вести пропавшем говорили: «Боги живым взяли его к себе. И теперь он гуляет в садах Озириса, и хижина его стоит на берегу небесной реки. Он ни в чем не знает недостатка». Или, если речь шла о существе вроде Ипи: «В царстве Анубиса, посреди раскаленной пустыни, его привязали к столбу и трижды в день секут так, что кожа вся покрыта кровавыми рубцами. И после каждой мучительной порки его поливают маслом, от которого рубцы заживают до следующего раза, когда слуги Анубиса вновь засекут его до полусмерти». Вот так и он, бедолага Ипи, будет страдать до тех пор, пока не настанет день суда, когда Озирис спустится в царство Анубиса и воссядет на его трон, и Анубис станет прислуживать Озирису, а тот, держа в одной руке символ жизни – цветок лотоса, а в другой веер из пластин слоновой кости, будет судить души, томящиеся в подземном мире. Сорок два божественных сына станут судить Ипи, припомнив тому все его прежние дела, и Озирис, читая в Книге Жизни, которую держит перед ним бог Тот, на весах отвесит меру греха надсмотрщика. На одну чашу весов он положит цветок лотоса, а на другую сердце Ипи, и Анубис, следящий за весами, оповестит, что сердце оказалось тяжелей. Тогда Ипи лишат тела, изрубят его на куски и бросят шакалам, а душу Озирис смахнет своим веером, отчего та развеется, бесследно исчезнет...

Не в силах пошевелиться, Ипи в ужасе наблюдал, как фигуры всадников, стремительно увеличиваясь, неумолимо приближались к нему. Сейчас для Хромого существовал лишь он

сам, и целый мир, заключенный внутри него, грозил вот-вот исчезнуть. Ипи упал на колени, и одна из лошадей раздавила бы надсмотрщика, не осадив ее удержавшийся в седле человек. Он и двое его спутников спешили и, невольно склоняясь под проливным дождем, довольно поспешно подошли к распростертому надсмотрщику.

– Поднимите его, живо, – приказал этот первый, по всей видимости, старший в странной троице, и, силясь перекричать гром, гаркнул почти в ухо Ипи: – Ты перегоняешь рабов для продажи на базаре?

Ипи, несмотря на творящийся вокруг разгул стихий, успокоился. Эти трое, несомненно, были людьми, а уж с людьми-то он всегда сумеет договориться. Людей Ипи не боялся, а этот всадник (тут и думать нечего!) был человеком знатного происхождения. С почтением надсмотрщик ответил, рассказав, кто он и кто все остальные, откуда и куда держат путь. Всадник слушал внимательно, не перебивая. Дослушав до конца, спросил:

– Так, значит, этих рабов продадут на Перависском базаре?

– Точно так, господин.

– Я хочу купить у тебя одного раба прямо сейчас.

– Это рабы моего господина. Они не принадлежат мне, я лишь охраняю, смотрю, как бы кто из них не сбежал, – заявил Ипи.

Всадник нахмурился и мрачно посмотрел на пройдоху-надсмотрщика:

– Скажи-ка мне лучше, смертный, ты знаешь, кто перед тобой?

– Нет, господин, – честно признался вымокший до костей Хромой.

– Я служитель Тифона-Сета, верховный жрец утренней звезды, о большем тебе знать ни к чему. Среди твоих рабов есть мальчик, спасенный из воды, и либо я заберу его добром, либо ты пожалеешь, что появился на свет.

Кривой вновь испугался. Спорить с самой грозной после власти фараона силой в стране было не только бесполезно, но и чрезвычайно опасно. Про жрецов Сета ходили невероятные слухи, один ужаснее другого, и надсмотрщик сразу уступил. Он помнил мальчика, с которым эти странные евреи обращались так, словно он в своем почти младенческом возрасте являлся их царем. Всю дорогу они несли его на руках, оказывали почести его матери, отдавали им свою пищу, и Хромой мог поклясться, что видел, как во время коротких привалов они молились ему, будто живому божеству. Пожалуй, больше не надо задавать никаких вопросов. Немедленно продать мальчишку и забыть о том, что видел, будет наилучшим выходом.

* * *

Под проливным дождем рабы сидели, плотно прижавшись друг к другу. Имея нужду во всем, а главное – в воде, они были рады возможности напиться, глотая дождевые капли. Многие среди них говорили о чуде – да и впрямь, дождь посреди пустыни мог показаться чудом кому угодно. Ипи грубо растолкал их, отыскал мальчишку, схватил за руку и поволок его, упирающегося, пронзительно вопящего. Тогда и произошло событие, впоследствии стоившее Хемуру половины его дохода. Рабы восстали. Сперва они умоляли вернуть им мальчика, и Ипи Хромой слышал, как они называли того «пророком» и «спасителем», а затем, видя, что их просьбы надсмотрщик не замечает, вздумали оказать сопротивление. По команде Хромого его отряд зарубил наиболее физически крепких бунтовщиков. Жрец же Сета, вынужденный из ножен длинный, кривой, с тонким лезвием кинжал, вызвавший удивление Ипи (а уж тот повидаль на своем веку много всякого оружия), без всякой жалости убил мать мальчика, перерезав ей горло. Кровь пропитала песок, и дождь размыл, разбавил пятно ее, окружив им лежащие в беспорядке тела убитых и тех, кому повезло остаться в живых и кто рыдал сейчас в голос. Двое людей Ипи также были убиты, и он, глядя на эту ужасную, достойную конца света картину, не знал, что ему делать дальше. Меж тем всадники обступили Хромого, и старший со словами «это тебе за

твою сговорчивость» бросил ему нечто, отозвавшееся мягким приятным звоном. Это оказался увесистый мешочек, и Ипи, мгновенно придя в себя, с жадностью вцепился в него. Даже на ощупь было понятно, что мешочек полон серебра и в нем никак не меньше четверти таланта³ весу.

Жрец Сета и двое его спутников, понукая коней, тронулись в путь, увозя с собою связанного, переброшенного через лошадиный круп ребенка. Ипи смотрел им вслед, но уже очень скоро потерял из виду. Всадники словно растворились в потоках дождя, а надсмотрщик, дождавшись, когда утихнет стихия, и поделив серебро между оставшимися головорезами, погнал рабов в Перавис...

III

Напрасно Хемур искал, напрасно обшарил все углы загона, где прежде находились рабы, напрасно под все более мрачнейшим взглядом жрицы он пытался добиться от этих измученных, полуживых людей внятного ответа. Арамейского языка он не знал, и на его истеричные вопросы никто из рабов так ничего и не сказал. В отчаянии он бросился к Ипи. Теперь Хемур разговаривал с надсмотрщиком совсем иначе, будто тот доводился ему родственником, любимым братом:

– Ипи, друг мой, принцесса Кафи хочет осмотреть наших рабов. Вернее, она хочет видеть одного из них. Быть может, ты его помнишь?

Ипи пожал плечами:

– Кого же именно я должен помнить, господин? Их так много было в моей жизни, что все словно на одно лицо. Может, какие-то особенные приметы у него имелись?

Сдержавшись, что стоило ему чрезвычайных внутренних усилий, Хемур елеинным голосом продолжил опрос главного надсмотрщика:

– Это был ребенок... Мальчик лет пяти, которого евреи называют спасенным из воды. О! Я по глазам вижу, что ты знаешь, о ком идет речь. Почему ты так побледнел?..

* * *

– Принцесса! – Хемур почувствовал, как его шее стало значительно свободнее, и вновь, в который уже раз за это переполненное событиями утро, погладил кадык. – Мой Ипи, хромой погонщик рабов, знает, о ком идет речь. Допросите его со всей строгостью, если он станет упрячиться. Но я уверен, что он упираться не будет. Ведь так, Ипи? – Хемур мстительно ухмылялся. Наконец-то он сможет отомстить этому пройдохе и вору за все его грязные и недоказуемые делишки! Пусть не серебром, так жизнью тот вернет хозяину все долги. Хорошая сделка, если учесть, что главным предметом в ней служит жизнь самого Хемура.

Кафи, недолго думая, приказала взять обоих и отвести в тюрьму, где и содержать вплоть до особого распоряжения. Услышав про такое дело, Ипи, трусливый, как и подобает истинному негодяю, окончательно растерял остатки самообладания и униженно заскулил:

– Я скажу, я все скажу! Это я продал того мальчика по дороге. У меня не оставалось выбора, о принцесса! Те трое, они были жрецами черного Тифона, и старший из них поклялся уничтожить всех нас и всех рабов ради того, чтобы завладеть ребенком. Я и решил, что не будет ничего страшного, если я уступлю ему дитя. А когда рабы начали бунтовать, я приказал своим ребятам, и они...

³ *Талант* – денежная мера, содержащая около 26 кг серебра.

– Довольно, холуй! – прервала его Кафи. – Так ты говоришь, эти трое называли себя жрецами Сатана?

– Тифона, царица, Тифона, – запричитал Ипи. – Тифона-Сета, бога с головой шакала, обидчика Озириса и возмутителя умов.

– Это одно и то же, – тихо молвила Кафи. – Так вот кто встал на моем пути... Куда они поскакали?

– Я... Я ничего больше не знаю. – Ипи был готов разрыдаться. – Они просто забрали мальчишку и убралась прочь. Была гроза, ничего не видно, я не помню даже, в направлении какой стороны света они скрылись...

Кафи окликнула стражу, отвергнув паланкин, потребовала себе коня. Не время для соблюдения церемоний – сейчас дорого каждое мгновение. Каким-то образом ревнителям Сатана оказалась известна тайна пророчества. Хотя что же тут удивительного? Ведь язык звезд понимают все жрецы на свете. Раскрыть предательство необходимо, но лишь после того, как она найдет мальчика. Если же она опоздает, ни в чем больше не будет смысла. Эти двое – надсмотрщик и торговец – были ей теперь ни к чему. Все равно от них больше не будет толку, а давать волю ярости – значит разрушать свой внутренний, тщательно выстроенный храм души. Пусть живут, раз есть на то воля богов.

IV

Кафи узнала о грядущем пришествии великого пророка от Пифонесы, девы-оракула храма Озириса, с юных лет живущей отшельницей в одной из отдаленных комнат храма. Навещать ее можно было лишь по ночам, когда до полной Луны оставалась ровно половина звездного времени. Пифонеса, совершенно нагая, сидела на особом треножнике с прорезью, доводя себя до экстаза, а под треножником тлели высушенные листья магической травы кхут. Дым в буквальном смысле проникал ей внутрь, напитывал ее тело, и тогда, в момент чрезвычайного прозрения, Пифонеса изрекала свои пророчества. Так было и в тот раз, когда Кафи с трепетом вошла в комнату, где светились пустотой голые стены и каменный пол с установленным посередине треножником.

– С чем ты ко мне явилась? – Пифонеса, одурманенная дымом кхут, медленно раскачивалась, и казалось, будто невесомое тело ее парит в воздухе – лишь дотронься, и жрица пропадет из виду, растворится в сладковатом дыму.

– Звезды тревожат меня, – ответила Кафи, чувствуя, что теряет ощущение реальности. Ноги ее ослабели, голова закружилась, и за неимением лучшего дочь фараона села прямо на пол. – Они поведали мне о рождении в далекой чужой земле того, кто придет в Египет, чтобы спасти свой народ, и это смущает меня и наполняет мою душу сомнениями и страхом.

– Отыщи его. – Пифонеса говорила, закрыв глаза, словно читала в Книге Жизни, той самой, что держит пред очами Озириса бог Тот. – Он может стать иерофантом великого учения, оказать Египту неоценимую помощь, прославить все, к чему прикоснется. Что до евреев, они ждут его лишь как своего спасителя, однако деяниями своими он спасет весь мир. Только найди его, ибо если это сделают другие, то все может пойти совсем иначе. Они обратят силу этого пророка против Египта и разрушат его, растащив по всей земле камень за камнем. Нельзя допустить победу Сета над Озирисом. Если это свершится, то наступит в мире вечная ночь и будет продолжаться до тех пор, пока не начнется новая эпоха. Так было уже дважды – сперва погибла страна, называемая нами Гиперборея, а потом ушла под воду Атлантида, от которой остались лишь пирамиды, где мы хороним своих царей. А ведь когда-то подножья пирамид омывали морские воды. Древние атланты, в гордыне своей отринувшие богов, навлекли на себя их гнев. Море возмутилось и поглотило их, а после отступило, оставив пирамиды для нашего удивления и устрашения. Ступай и найди мальчика, пока еще не поздно.

Едва не теряя сознание, задыхаясь от запаха дыма, Кафи ползком выбралась из этой странной, волшебной комнаты. Отдышалась, встала и с тех пор не находила себе места, покуда не подступила во главе шести тысяч вооруженных наемников к стенам храма-крепости, выстроенной в оазисе Дешиха в полусотне километров от Перависа, вблизи Гелиополя. Здесь была земная обитель Тифона-Сета, именуемого в великом учении Сатаном, богом гордыни и злых козней, врагом Озириса. Здесь черные жрецы, меняясь поочередно, никогда не прерывали молитвы своему мрачному и противоречивому богу, которого одни считали и по сию пору считают основателем наук и хозяином всей земной жизни, а большинство – и в современности, и во времена гораздо более ранние, чем эпоха, в которую происходили описываемые здесь события, – называют отцом всякой лжи, коварным змеем-обольстителем, ненавистником жизни и источником всего зла в этом мире от его начала и до окончательного исчезновения.

После того как войско Кафи осадило город, принцесса выслала парламентаров. Их впустили, открыв городские ворота, а потом вместо ответа выставили отрубленные головы посланников на городской стене, нанизав их на копья, а тела сбросили вниз для устрашения нападавших. Тогда Кафи – прекрасная и сильная, словно амазонка, дева, принцесса-жрица, закованный в доспехи воин света, пришедший покарать зло, – приказала штурмовать обитель Сета. Крепость оборонялась яростно, но продержаться сумела недолго. После непрерывного многочасового штурма стены ее уступили напору превосходящего в силе и численности войска. Жрецы и немногочисленная охрана серьезной обороны организовать не смогли, наемники принцессы ворвались внутрь, и началась ужасная резня. Легенда гласит, что, когда перед Кафи открыли ворота, дабы она, как это и полагается особе царской крови, первой из правителей вступила внутрь покоренной неприятельской твердыни с церемониальным ритуалом во славу Изиды и Озириса, принцесса вынуждена была отступить перед потоком крови, хлынувшим в распахнутые створы крепостных ворот. Переступив через труп того самого всадника, что явился Ипи Хромому, верховного жреца храма Сета, Кафи спустилась в подземелье и вынесла оттуда на руках измученного пятилетнего мальчишку. Крепость по приказу Кафи сожгли и разрушили до основания, а всех служителей храма казнили у нее на глазах. С тех пор поклонение Сету в Египте было запрещено, а все служители черного культа объявлены вне закона. Переродившись во времени, Сет, бог – убийца Озириса, стал Сатаном, позднее же, когда лишь только забрезжил над миром свет Спасителя рода человеческого, Сатан стал Сатаной, а его adepts – сатанистами, и название это дошло без изменений до наших дней.

V

Мальчишка был без сознания, но несомненно жив. Он не выглядел изможденным – в плену его сносно кормили, и жизни его как будто ничто не угрожало. Верховный жрец Сета давно составил его гороскоп и никогда не решился бы уничтожить мальчика. «Гораздо лучше будет, – мечтал властолюбивый чародей, – вырастить его подле себя как еврейского царя, чтобы использовать потом еврейское племя в своих целях, поднять восстание рабов и сместить с их помощью проклятого фараона».

Да, звезды невозможно обмануть. Уже тогда они давали египетским ученым точную картину будущего. Сейчас с помощью тысяч шарлатанов и проходимцев астрология выродилась из глубокой и точной науки в сомнительное учение с дурной репутацией, превратившись в забаву для простолюдинов наподобие поп-музыки. Однако никто не посмел бы отнестись с сомнением или насмешкой к великому знанию в эпоху могущества ныне ушедшей во мрак времен египетской цивилизации. Двадцать веков исполнилось земле фараонов в год появления на небе знака, возвестившего о приходе из-за моря пророка по прозвищу «Спасенный из воды», чье имя на арамейском и халдейском языках звучало как Мо-Ессей.

Это имя Кафи без труда прочла на золотом треугольном медальоне, висевшем на шее ребенка.

– Моисей! – воскликнула она и, не в силах сдержать нахлынувшей нежности, обняла мальчика – ведь в те времена особы царской крови не особенно задумывались о соблюдении манер и условностей, их поведение было естественным. – Я буду звать тебя так, сын мой! Я научу тебя всему, что знаю сама. Ты ни в чем не будешь иметь недостатка, ибо я верю звездам и словам оракула. Ты спасешь Египет...

Мальчик долго молчал – сказывался его испуг, и Кафи даже начала думать, что ему, похоже, не удастся преодолеть последствий плена в подземелье крепости Дешиха. Он просто смотрел на нее ничего не выражающим взглядом; впрочем, он и не плакал. Принцесса пыталась заговорить с ним, но ребенок лишь однажды как-то неопределенно качнул головой и опять ничего не ответил. Однако же во дворце фараона, когда Кафи поставила Моисея перед отцом своим, Рамзесом Великим, мальчик на глазах окружающих словно пришел в себя. Всем стало видно, что он окреп, взор его прояснился, и, когда фараон о чем-то спросил его, маленький Моисей заговорил. Речь его звучала столь связно и была столь убедительна, что и Кафи, и все, кто слышал его слова, были безмерно удивлены. Мальчик говорил на халдейском наречии – язык этот отлично понимали и Кафи, и ее отец, для остальных же специально послали за рабом-евреем, и тот, с благоговением взирая на ребенка, перевел для пышного двора его рассказ.

* * *

Когда в семье отца Моисея родился наконец долгожданный сын, радости не было предела – столь желанным стало для всех появление наследника. Но стоило мальчику достичь полугодовалого возраста, как в Палестине наступила самая ужасная засуха, о какой только помнили за все времена, прошедшие после Великого потопа, старейшие потомки пророка Иакова, давшего жизнь всему еврейскому народу. Семья Моисея жила в Киликии – области в излучине реки Иордан, обмелевшей к тому времени вполовину от своего прежнего течения. Беды не приходят порознь, и очередной напастью стало нашествие из неведомых земель диких кочевников, что грабили и жгли, не оставляя за собой никаких следов жизни. Родным Моисея, застигнутым врасплох, пришлось несладко. Кочевники истребляли всех детей мужского пола – лишь так можно было прекратить род евреев и обезопасить себя от будущих мстителей. Тогда мать Моисея, установив люльку с младенцем на плоту и как следует помолившись, отпустила плот по течению иссякающих вод Иордана, рассудив, что всех их могут убить, а сын ее, может быть, и спасется.

Семье удалось скрыться от тех, кто нес смерть и горе. Путь беглецов лежал в стороне от русла реки, но они все же вышли к берегу в том месте, где река принялась петлять и преградила им путь. Мать мальчика была безутешна, отец рвал на себе волосы от отчаяния – ведь если бы они знали наперед, что спасутся, их сын был бы сейчас вместе с ними! А теперь они и предположить были не в силах, что с ним произошло и где его искать. Каково же было их удивление и сколь велика радость, когда, выйдя на берег Иордана, они увидели плывущий по реке плот и на нем в колыбели живого и невредимого малыша! Вот тогда-то мальчику дали имя и в знак его чудесного спасения, когда все напасти, обрушившиеся на их род, были, казалось, позади, надели на шею золотой амулет – треугольник с выбитым на нем прозвищем...

Обо всем этом пятилетний мальчик рассказал, проявив недюжинный ум и фантазию, поразив слушателей своим умением в столь юном, почти младенческом, в сущности, возрасте выражать свои мысли совершенно по-взрослому и с изрядным красноречием. Это было так удивительно, так ни на что не похоже, что Кафи мысленно вознесла благодарственную молитву богам за то, что они явили свою волю, и, несмотря на чрезвычайно сложное положение, в котором оказался этот чудесный ребенок, все разрешилось для него самым наилучшим образом.

– Эта история чудесная, и в ней я вижу волю богов, – молвил фараон. – Разрешаю тебе жить при храме и учиться наравне с другими детьми из знатнейших египетских родов. Пусть ни в чем не знает этот мальчик укора и растет среди нас, как равный, – обратился он к дочери, и Кафи, пряча улыбку, склонилась перед волей царственного отца своего.

* * *

Прошло некоторое время. Спасенный ребенок оказался весьма способным учеником, особенно он преуспевал в науках точных и словосложении. При главном храме Озириса, в столице, находился химнос – школа для детей аристократов и знати, видных военачальников и чиновничества. К сыну народа, который в Египте считался поголовно состоящим из людей низкого происхождения, чрезвычайно неумных и способных лишь прислуживать да выполнять всякую грязную работу, ученики поначалу отнеслись соответствующим образом. Над ним насмехались, задевали со злобой, но нрав его был спокоен, и ни тени возмущения ни разу не возникло на лице мальчика. Все нападки сверстников он сносил с достоинством, которое некоторых поначалу заводило и озлобляло. По первости Моисей часто бывал бит, но позже, когда он еще немного подрос и путем разнообразных физических упражнений не только чрезвычайно укрепил плоть свою, но и взрастил в себе стойкий дух бойца, начал пресекать рвение обидчиков, весьма успешно давая тем сдачи.

Впрочем, такое противостояние между ним и его школьными недругами и завистниками продолжалось лишь до той поры, пока однажды сама верховная жрица принцесса Кафи не вошла в школьный сад, где ученики пережидали полуденную жару, сидя под раскидистыми пальмовыми ветвями, перекусывая, играя в какие-то свои детские игры – словом, занимаясь всем тем, чем и надлежит заниматься детям во время перемены между классами.

Моисей сидел отдельно, прислонившись спиной к прохладной каменной изгороди, и на коленях у него лежал свиток из библиотеки. Мальчик, неторопливо вращая верхнюю катушку свитка и накручивая на нее хрустящий папирус, шевелил губами, читал. Он научился читать и писать одним из первых среди учеников, и с тех пор чтение сделалось его страстью. Кафи подошла к нему, немного постояла рядом, присела, провела рукой по волосам:

– Здравствуй, Моисей. Я вижу, ты не играешь, как другие дети. Отчего так?

Мальчик обрадовался ей, но радость свою проявлять не посмел, лишь слабо улыбнулся:

– Я не люблю носиться и бездумно развлекать себя игрой в фигурки. Мне куда интересней настоящая жизнь. В библиотеке так много свитков, вся мудрость мира в них заключена. Я должен прочесть их все, должен так много выучить, и я... я...

– Что? Что, Моисей? – Кафи продолжала гладить его по голове, но мальчик вынырнул из-под ее руки и прижал к груди свой свиток.

– Я чувствую, что должен совершить что-то. Что-то особенное. Именно для этого я здесь, среди людей. Но я еще так мало знаю!

Кафи обняла его, поцеловала в лоб, и все находившиеся в тот момент в саду ученики видели, как обращается принцесса с сыном раба, какие особенные, небывалые знаки внимания оказывает ему.

– Ты выучишься, ты станешь великим жрецом подлинного Бога, тебе будут ведомы и добро, и зло, и все страсти людские, а главное... – Кафи вплотную приблизила свое лицо к лицу мальчика, глядя ему в глаза, и тихо произнесла: – Тебе будет открыто будущее. Сейчас для тебя самое важное – это твоя учеба здесь, в химносе, а потом необходимо с честью выдержать выпускное испытание. Без знаний, которые получишь в школе, ты не сможешь приступить к постижению науки жрецов, ничего не поймешь в таинствах и останешься обыкновенным, пекущимся лишь о насыщении брюха профаном, каких полно вокруг тебя даже в этом саду.

VI

Минуло десятилетие. Моисей блестяще, с наградой, окончил гимнос и сделался прислужником в храме. Египетские жрецы обучали Моисея всему, что было известно им самим, и в постижении этой науки он преуспел. Наконец, после того как Моисею исполнилось 18 лет и он прошел все 32 ступени, отделяющие ученика-неофита от иерофанта-посвященного, великого жреца, занимающего наивысшую, 33-ю ступень, настало время его посвящения. В пещере Хороб, тайном святилище, где хранились главные божественные реликвии и проходили возведения в сан, жрец Иофор открыл ему главную тайну веры, истинное имя Бога, произнеся его шепотом, на ухо.

Для тех, в чьи ряды вступал сейчас Моисей, никогда не существовало никаких богов, кроме Единственного, сотворившего Землю из ничего одной лишь силой слова. Слово же это, или «божественный логос», есть не что иное, как собственное имя Бога – ключ к созданию сущего.

По древнейшему завету, согласно изначальному учению, данному самим Творцом, знающий подлинное имя Бога становится всемогущим магом, которому отныне подвластны все тайны природы. Все ее законы он провидит, перемещает небо и землю, все силы земные и небесные подвластны ему. То была наука, называемая египетскими жрецами «душа мира», или «магнес». Моисей дал ей иное название, заключив в нем некоторые буквы произносимого имени подлинного Бога, втайне сообщенного ему Иофором.

– Многобожие нужно для толпы, оно помогает сдерживать ее ярость и ведет к людскому смирению, – разъяснила ему Кафи когда-то. – Когда по воле сильных мира сего народ вынужден голодать, то куда проще сказать ему, что в неурожайе и непосильных налогах виновны боги. Таково стадо человеческое – оно всегда готово поверить в то, чего никогда не видело, стоит лишь постоянно убеждать его в существовании этого несуществующего. На самом же деле есть лишь изначальный Бог-Творец, и есть Сатан, также великий творец, явившийся из непостижимых глубин космоса, который видим мы каждую ночь, когда смотрим в темное звездное небо. Те, что хотели забрать тебя, маленького, тогда, в пустыне, верят, что Сатан есть истинный хозяин этого мира, а Бог лишь создал его и с тех пор крайне редко вмешивается в ход времен. Магнес постигнув, постигнешь и мир, ибо наука эта дана жрецам самим Богом и похожа на небесное молоко. Это белый магнес, тот, что исповедуем мы, а теперь и ты, которого мы приняли в свое число, как и было предсказано звездами и оракулом.

– А что еще? Есть что-то еще? – Моисей сидел возле принцессы, и она, по своему обыкновению, гладила его рукой по голове, пропуская меж пальцев густые, жесткие от пыли черные пряди.

– О да. Есть черный магнес Сатана. И он не похож на белый лишь целью, к которой стремится. Белый подобен лотосу – он созидает жизнь, делает ее цельной, а черный разрушает в попытке создать все с самого начала, по-своему. Сатан никак не может простить Творцу, чье имя мы не произносим, что тот пришел из бесконечной дали космоса ранее его, вот и повторяет за ним все, словно обезьяна. Однако, не постигнув науку Сатана, невозможно стать носителем учения, посвященным иерофантом света.

* * *

На Египет пала ночь. Ночь удивительная, волшебная. Над головой Моисея расплескался звездный водоем и блестели, пульсировали огоньки рассыпанных щедрой рукой небесных зерен. В такую ночь люди, которым посчастливилось родиться романтиками, смотрят вверх, и сердца их охвачены неизъяснимой ноющей тоской, которая, впрочем, сладка на вкус. Словно

тянется рука к завесе, за которой ожидает самое главное на свете чудо, но всякий раз завеса отодвигается все дальше, и нипочем руке не достать ее, не приподнять край, не увидеть простому смертному то, чего видеть ему не следует вовсе – для его же блага, иначе можно повредиться рассудком.

– Халдеи называют свет «зогар». – Моисей взял принцессу за руку, оживленно заговорил: – Я знаю теперь, зачем я выжил, знаю, что мне предстоит сделать в жизни. Египет падет, ты знаешь это, ты это всегда предвидела. Но падет не сейчас, он простоят еще тысячу лет, а потом ничего, кроме развалин и пирамид, построенных атлантами, от него не останется. Мой народ переживет Египет, я должен буду проводить его туда, где у евреев будет своя, только им принадлежащая земля. Я должен передать евреям знание, которое с рождения дремлет во мне. Я не знаю его названия, но оно являет подлинную силу Бога Единого и Предвечного, оно откроется мне! Тогда я передам его из уст в уста каждому, кто станет моим учеником.

Кафи засмеялась, и смех ее был глух. Он содержал в себе сожаление и, как показалось Моисею, душевную муку:

– Что сказано одним, другой запомнит вряд ли слово в слово. Ты не сможешь уйти, пока не отплатишь Египту добром за добро. Сделай это, а потом я, быть может, упрошу отца отпустить тебя во главе твоего народа. Но не сейчас, Моисей, не сейчас. Ты нужен здесь, никто, кроме тебя, не исполнит пророчество, данное оракулом много лет назад. Поверь, что, не вернув Египту долга, ты превратишь свою жизнь в мучительную пытку, какой становится и жизнь каждого, отказавшегося исполнить то, что ему предназначено. До последнего вздоха тебя станут мучить неуверенность, желание изменить что-то в собственной жизни, повернуть в нужном направлении, но окажется, что поворот этот остался далеко позади, там, куда возврата уже никогда не будет. Кто выиграет от этого? Лишь Сатан, а он ненадежная компания.

– Что ж... – Они сидели на самой верхней площадке Золотой башни. Отсюда звездочетам было дозволено наблюдать за движением небесных светил, а днем здесь дежурили двое стражей-наблюдателей. С высоты шестидесяти метров равнина, на которой был выстроен город, просматривалась на многие десятки километров, вплоть до головокруглительно далекой линии горизонта, одним своим краем сходящей в море, а другим вросшей в страшную Ливийскую пустыню – страну суховея и смертельной жажды. Сейчас на площадке никого, кроме принцессы и ее воспитанника, не было. Моисей встал, подошел к краю и широко, насколько смог, развел руки в стороны.

– Ты собрался взлететь? – Кафи смотрела на него удивленно. – Увы, но даже нам не дано становиться легче ветра, прежде не отделив души от тела.

– Нет, – Моисей покачал головой, – я лишь попрошу у Творца разрешить мои сомнения, подать мне знак. Пусть он решит, пусть рассудит, куда мне направиться: увести отсюда мой народ или, как ты того хочешь, защитить Египет от эфиопского вторжения, раз и навсегда разгромив орды захватчиков и отбив у них охоту к военным притязаниям.

* * *

Эфиопы никогда не были Египту добрыми соседями и постоянно тревожили покой египтян молниеносными и жестокими набегами на их приграничные земли. Во время одного из таких набегов, длившегося дольше обычного и оказавшегося особенно кровопролитным и разрушительным, эфиопы истребили население двух приграничных деревень, разграбили имущество, угнали скот и взяли в плен всех уцелевших после кровавой ночной резни жителей. Египтяне, спохватившись, начали было теснить захватчиков, и даже довольно успешно – отогнали неприятеля к границе, после чего, недолго думая, охваченные ратным пылом, продолжили преследование уже на вражеской территории. Однако здесь, у себя дома, эфиопы опомнились и нанесли египтянам удар такой силы, что те из них, кто не был убит в бою, пожалели об этом.

Пленных эфиопы, снискавшие себе дурную славу жестокого и коварного племени, не брали и расправились с уцелевшими египтянами самым зверским образом, который даже описывать здесь не стоит – слишком уж сомнительное с точки зрения морали это дело.

Опьяненное успехом и кровью эфиопское войско начало настоящее вторжение в Египет и продвигалось вперед столь успешно и с такой ошеломляющей скоростью, что вскоре вся нижняя часть страны, включая Мемфис, была оккупирована захватчиками, которые сами уже по-хозяйски называли эти земли своими, не намереваясь никуда из них уходить. Над Египтом нависла смертельная опасность, и вот тогда предсказание Пифонесы, девы-оракула, вспомнилось фараону. Моисей был призван во дворец и получил заверения в том, что в случае победы он может просить всего, чего ему только заблагорассудится, только бы он одолел проклятых эфиопов. Оттого юноша был сейчас на распутье. Он жаждал получить знамение свыше и просил указать ему путь, говоря с Богом тем самым языком, благодаря одному-единственному слову которого Творец создал Землю и все, что на ней, из ничего, из пустоты и хаоса.

– Если мне предстоит сражаться, то пусть я обрету силу, способную повергать врага в бегство. Если же нет, то пусть даст мне Господь крепкий посох, опираясь на который я смогу пройти весь путь до Земли обетованной, где евреи обретут счастье и свободу.

– Позволь, я попрошу его о том же, что и ты, стоя рядом с тобою, ибо наши желания сливаются в единое целое. – Кафи подошла к юноше, и теперь они оба стояли на краю площадки, оберегаемые лишь невысоким парапетом: молодой посвященный и искренне любящая его приемная мать.

Вместе они вознесли молитву, начинавшуюся словами: «Закрой дверь перед демоном, и он будет убегать от тебя, как будто ты его преследуешь». Тем самым жрец и жрица отпугнули зло от своих чистых помыслов и намерений. В конце молитвы они вместе четко и ясно произнесли запретное, лишь посвященным ведомое имя. Такова была истинная молитва древности – не просто набор слов с привычными «аминь», или «иншалла», или еще чем-то в этом роде, произносимый скороговоркой. О нет. Когда-то, на заре мира, когда человек еще умел разговаривать с Богом, тот слышал его.

Воздух вокруг них словно уплотнился, и затем от поднятых в молитвенном порыве рук изошла невидимая, но хорошо ощутимая волна небывалой силы. Когда отзвенел в воздухе последний звук молитвы, то еще некоторое время совсем ничего не происходило, если не считать тишины, воцарившейся в окружающем Золотую башню мире. Моисей первый заметил и молча указал на появившуюся в небе среди других сверкающих зерен ярчайшую звезду, которой раньше не было и в помине. Казалось, что она стояла на одном месте, и свет ее трепетал оттенками чистыми и прозрачными, словно хрусталь. А затем звезда стремительно, так быстро, что взгляд едва уловил ее движение, скользнула по небосклону вниз, и Моисей увидел яркую вспышку впереди, там, где берет свое начало бескрайняя Ливийская пустыня. Возглас Кафи подтвердил, что увиденное – вовсе не плод его фантазии, не галлюцинация, вызванная месмерическим экстазом, подобным тому, в который в тревожном двадцатом веке будут впадать нервные, будто маленькие собачки, особы, вращая блюдца и взывая к духам Наполеона или фюрера. Спустя мгновение до Золотой башни докатился и звук взрыва, похожий на гром. Моисей бросился к лестнице с явным намерением поскорей покинуть площадку звездочетов.

– Куда ты?! – всполошилась было Кафи.

Юный жрец, весь содрогаясь от охватившего его возбуждения, обернулся на звук ее голоса и, глядя словно сквозь нее, твердо ответил, что должен сейчас же идти.

– Он ответил нам. Я вернусь, как только найду его послание. Прошу, не преследуй меня. Я обязательно вернусь, в том мое слово.

Кафи не стала возражать, понимая, что удерживать его у нее нет никакого права, кроме права на грубую силу – а об этом не могло быть и речи, так же как и о том, чтобы просить его

взять ее с собой. Здесь лишь воля Бога определяет все. Раз так решено, то пусть Моисей, ее мальчик, ее сын, ищет в пустыне след павшей с неба звезды.

VII

На шестой день скитаний, когда надежда почти иссякла, как и вода в жестяной фляге – единственном жизнетворном предмете, что взял он с собой, Моисей увидел, что песок под его ногами необычайно плотный. Тогда он топнул, и нога не увязла привычно, а встретила твердь. Наклонившись, руками разгребая песчинки, нанесенные ветром, Моисей увидел, что песок превратился в стекло. Он сообразил, что если это и не вполне то, что он ищет, то, уж во всяком случае, верный признак, примета, что искомое теперь где-то совсем рядом, возможно, в шаге или двух от него. Ведь песок мог расплавиться, превратившись в стекло, только от жары, не меньшей, чем та, что стоит в кузнечном горне! К концу дня голова кружилась от усталости, глаза слезились от песка, непрерывно движимого пустынным суховеем. Окончательно ослабев, юноша упал в неожиданно возникшую перед ним воронку, края которой также представляли собой обугленное температурой взрыва стекло, на треть уже занесенную песком. Собрав все оставшиеся силы, он принялся копать, руками разбрасывая песок и постоянно ранив себя многочисленными осколками стекла, попадавшегося теперь все чаще и чаще. Наконец, когда его кровоточащие руки стали уже почти совершенно бесчувственными, он наткнулся на какой-то ноздреватый, словно губка, и довольно горячий предмет. Тот, по ощущениям, был не слишком большим и неохотно поддавался, когда Моисей принялся раскачивать его, чтобы вытащить в конце концов на поверхность. Усилия юноши увенчались успехом – Моисей увидел, что все эти шесть дней искал упавший с неба кусок железа размером с его собственную голову...

...По возвращении в Перавис он закрылся в кузне, откуда выгнал перед этим всех работников, а вместо подмастерья призвал к себе жрицу и поставил ее раздувать кузнечные меха. Кафи отменно справлялась, проявляя изумительную выносливость и силу, неожиданную для хрупкого ее тела. Целую ночь, от заката до рассвета, слышны были в кузне удары молота, сыпала огненными искрами труба и шептались меж собой испуганные горожане, говоря, что это «великий колдун иудейский кует ярмо для египтян и скоро всех их, словно быков, запрягут в плуг и заставят вспахивать земли, которые более уже не принадлежат Египту, так как их хитростью и коварством забрали себе евреи».

В ту ночь было явлено всем жителям южного полушария великое знамение: лунный диск вдруг скрылся из виду и на ночном, утратившем светило небе явственно различима стала комета Эхнатон, прежде, при лунном свете, никем не замеченная. И лунное затмение, и явление хвостатой кометы всяк толковал по-разному, но все сходились лишь в одном – не избежать теперь войны. Царь Эфиопский и раньше часто совершал набеги на приграничные египетские земли, а теперь и вовсе решил идти войной до конца. Той же ночью, когда никто в Египте не мог уснуть, томясь тревожными предчувствиями, а Моисей плавил небесное железо и кожаный его фартук был уже во многих местах прожжен насквозь окалиной, эфиопский владыка во главе огромной армии вторгся в Египет сразу тремя колоннами.

* * *

В кузне было невыносимо жарко, и Моисей и Кафи поочередно обливали друг друга водой, зачерпывая ее ковшиком из стоявшей в углу бочки. Это ненадолго помогало, до тех пор пока пот вновь не начинал разъедать глаза, и тогда Моисей отрывисто просил плеснуть ему водой в лицо. Сам же он при этом ни на минуту не отвлекался от наковальни. Ранним утром, когда на востоке лишь только начала занимать кровавая заря, жрецы закончили свой труд и вышли из кузни. В руках Спасенный из воды держал только что выкованный, превосходно

отточенный наконечник копья. Он высоко поднял его над головой, и в этот момент первый луч солнца упал на юношу, скользнул по глазам, сделал его на миг незрячим, а после осветил копье, и оно вспыхнуло и засияло столь ярко, словно впитало в себя свет утренней зари, словно все еще не покидало кузнечного горна, где родилось минувшей ночью.

С этим копьем в руках Моисей, поставленный фараоном во главе армии, выступил против эфиопов, решив провести войска не морским путем, так как знал, что, вернее всего, эфиопы станут ждать египтян именно с моря, но по суше, краем Ливийской пустыни, где часто встречались оазисы, а значит, были и колодцы с водой – основным залогом жизни людей в этих бесчеловечных условиях раскаленной скороводы. Таким образом, Моисей рассчитывал быстро и неожиданно ударить с тыла и одержать сравнительно легкую победу, что и произошло в точности согласно его замыслу. Зная, что войскам не обойти Долину змей, где вся земля так и кишела гадами, хитрый жрец Озириса и воспитанник Кафи еще перед началом похода приказал взять с собой в дорогу множество птиц – ибисов, известных змееловов. Перед тем как войско вступило в долину, ибисы были выпущены из клеток. Вместо того чтобы разлететься кто куда, они уселись у ног Моисея и подняли невообразимый гвалт и суету. Он же, применив магнес, направил их против змей, и все ползучие гады были истреблены. Так армия Египта одержала свою первую победу.

Далее Моисей обратил эфиопов в бегство и, в три дня очистив от них землю Египта, перевел армию через границу и подступил к стенам эфиопской столицы Савы. После изнурительной осады египтян город пал. Царь Эфиопии капитулировал и в знак того, что никогда более он не станет нападать на соседей, отдал Моисею в жены свою дочь, принцессу Фарбис, которая была вовсе не против связать свою жизнь с таким воинственным и храбрым полководцем. Моисею прочили выдающееся место при дворе фараона, и он мог бы покорить всю Эфиопию, когда бы имел такую потребность, но все его помыслы были совсем об ином. Свобода для евреев, прекращение их рабства, исход в земли, полные молоком и медом, – вот о чем грезил он, являя в походе против Эфиопии чудеса мужества и исключительного таланта опытного полководца. Возможность для евреев покинуть Египет была обещана фараоном в обмен на эту победу, и Моисей бился как лев, чья шкура являла собой неуязвимый панцирь. Копье магическим образом вселяло уверенность в египетских солдат, а противников повергало в ужас и смятение.

После блистательной победы, с богатой добычей в виде истребованного у эфиопов выкупа за неразрушение их столицы и непокорение земель, а также приданого молодой своей супруги, Моисей вернулся в Перавис и напомнил фараону, что тот обещал ему отпустить всех евреев на свободу. Рамзес послал за дочерью, он хотел услышать ее совет, но напрасно Кафи искали вначале во дворце, а потом и по всему городу – принцесса словно сквозь землю провалилась. Обескураженный и встревоженный ее исчезновением фараон попросил было Моисея повременить, но тот возмутился и стал пенять владыке Египта на то, что тот не держит своих обещаний. Рамзес, возмущенный таким поведением бывшего раба, повелел ему удалиться и не являться до тех пор, пока он сам не призовет его. Моисей, рассудив, что теперь его жизни угрожает действительная опасность, оставил любовные утехи и прямо с брачного ложа бежал в отдаленную область Аравии вблизи моря и Синайских гор, где стал жить тайно, сделавшись обыкновенным пастухом. Во время спешного бегства из Перависа он не взял с собой никаких вещей, кроме чудесного копья. Снятый с древка наконечник Моисей хранил завернутым в разное тряпье на дне сумы, которую всегда носил через плечо и лишь на ночь снимал и клал себе под голову на манер подушки.

* * *

Меж тем Кафи была тайно убита завистниками Моисея – жрецами, считавшими несправедливостью столь значительное возвышение над ними, знатными египтянами, его – сына рабов, и видевшими в этом вину дочери фараона. Любому, даже самому совершенному и ученому человеку время от времени приходится бороться с приступами смертельной зависти. Каин совершил первое на Земле убийство, позавидовав брату своему Авелю, возомнив, что жертва брата оказалась приятней Богу, нежели его жертва. Причина ли это? О да. Зависть, как и смерть, всегда найдет причину, был бы лишь повод ей вспыхнуть. Сальери отравил радостного гения, Брут предал Цезаря, аристократы не простили сыну раба его возвышения и, не силах добраться до него самого, уничтожили близкого ему человека. И все из зависти... Воистину, нет порока более плодородного, чем этот. Из зависти произрастают побеги алчного безумия и смерти, и тот, кто завистлив, почти уже мертв.

И хотя Моисею – родоначальнику каббалы уже было открыто большинство из тайн земных, а равно и небесных, он так никогда и не узнал, какая страшная смерть ожидала ту, чью заботу он вспоминал до самого своего ухода из жизни. Во время храмовой мистерии, когда охрана не могла находиться рядом с принцессой, та внезапно исчезла, и последующий обыск всех многочисленных помещений храма ничего не дал. Кафи закончила свои дни в каменном мешке, в подземелье, куда она провалилась сквозь хитрый, открывающийся нажатием тайной пружины и отлично замаскированный люк в полу. Все произошло, когда всякий свет, согласно принятому во время мистерий церемониалу, был потушен: удар по голове жезлом, нанесенный одним из заговорщиков, потеря сознания... Очнулась она уже в темнице, без воды и пищи. Нельзя было даже лечь, приходилось все время стоять. Кафи было многое под силу, она многое умела и предвидела. Она ушла из жизни самостоятельно, просто приказав своему сердцу остановиться.

Рамзес был безутешен. Поиски дочери ничего не принесли ему, кроме сильнейшего расстройства всех мыслей и чувств. Он пожелал увидеть Моисея и даже послал за его женой, той самой эфиопской принцессой, родившей к тому времени сыновей-близнецов, но и жена ничего не знала о местопребывании супруга, столь мало побывшего с ней. Тогда фараон разослал по всей стране и за ее пределы глашатаев, и те повсюду принялись вопить, что Моисей должен вернуться в Перавис и предстать пред очи фараоновы. Моисей же, услышав о таком деле и справедливо рассудив, что настал для него момент истины, решил явиться к фараону во всем блеске провидца и мудреца. Он много размышлял над несовершенством мира, пытался найти причины, мешающие сделать лучше жизнь человеческую, и пришел к выводу, что настало время дать людям то, что они давно заслужили, познакомить их с истинным, единственным Богом. Разумеется, на египтян его решение не распространялось – этот народ не был Моисею родным, и он опасался, что его сочтут еретиком и попросту казнят, начни он проповедовать о едином Боге на площадях.

Пастушеское его уединение, отдых от страстей большого мира позволили ему понять и осмыслить тот факт, что, решив стать во главе своего народа, он должен будет держать его в повиновении на основании закона. Причем лучше, если все поверят, что закон этот не открыт, не придуман человеком, но дан самим Богом. Однажды, загнав стадо на самое отдаленное синайское горное плато, где трава была особенно сочной, Моисей решил найти для себя место отдыха и приглядел для этого одиноко стоявший раскидистый куст тамариска, в тени которого ему и вздумалось отдохнуть, вполглаза наблюдая за овцами. Возле куста, словно специально для него, кто-то аккуратно сложил две обработанные по краям и отполированные каменные пластины. Моисей сразу отметил, что камень этот никак не может быть горным – то был песчаник, довольно мягкий и хорошо поддающийся обработке. И в этот момент на Моисея сни-

зошла благодать. Он вдруг ощутил присутствие в своих мыслях чего-то постороннего, но не скверного, а наоборот – чьей-то воли, заставившей его извлечь копьё и воспользоваться им как стальным резцом.

* * *

«Един Бог, и народ наш един», – выбил Моисей первое из правил, полюбовался на дело рук своих и продолжил. Песчаник легко поддавался, и копьё, нисколько не затупившись, резало его, словно горячий нож масло. «Нельзя богохульствовать и произносить имя Божье всуе. Нельзя желать ничего, что есть у ближнего твоего...»

«Я столь о многом хотел бы сказать людям, – думал Моисей. – Но на этих камнях так мало места. Не значит ли это то, что Бог мой велит вырезать на них лишь самые важные правила? Пусть по ним живут не только евреи, ибо Богу угодно, чтобы всякий человек жил так, как велит ему Господь, все люди перед ним равны, а кто поставит себя выше остальных, тот проклят будет и поминаем во веки веков наряду с Сатаном».

Из тамарискового куста он вырезал для себя посох, сложил камни в суму и проверил копьё. Оно стало еще острее и блестело еще ярче, словно содержался в нем одновременно и дневной, и звездный свет, словно было в нем заключено два разных начала: светлое и темное – символ гармонии и единства противоположностей, существующих в одном чудесном, из небесного железа выкованном копьё...

Моисей оставил стадо, взял у хозяина расчет и направился в Перавис, где надеялся пронять сердце фараона рассказом, сочиненным в дороге. Люди куда охотнее верят в чудеса внешние, не принимая и зачастую ненавидя чудо преображения души, чудо ее прозрения, заставляющее пророка говорить от Божьего имени. Так и живет с тех самых пор предание о неопалимом терновом кусте, откуда вещал голос Бога через ангела его Метатрона, а равно и трогательная в своей торжественности история про обретение скрижалей, тех самых камней, по легенде, данных Творцом. Все это лишь часть выдуманной Моисеем на пути в Перавис сложной и красочной повести, без которой, как он справедливо полагал, фараон не согласился бы отпустить его народ из Египта восвояси. И лишь копьё оставалось при всем этом совершенно реальным – ведь именно с его помощью Моисей победил в войне и даровал людям закон, незримо продиктованный ему Господом, которому вовсе ни к чему производить цирковые эффекты с поджиганием кустов, когда он решает поговорить с человеком и явить через него свою волю всем прочим, нынешним и грядущим поколениям сотворенных им людей.

Пэм и великий шторм

*Соломоновы острова, заморская территория Британского содружества
Лето 2007 года*

I

Островок назывался Лиापари и входил в группу Соломоновых островов, расположенных не так чтобы очень далеко от Новой Гвинеи. После тесных, как новые ботинки, городов, стремительно теряющих отличия друг от друга под натиском всеобщей, почти повсеместно обожаемой глобализации, все здесь казалось ненастоящим, практически сказочным. Размером островок был с дачный участок какого-нибудь Абрамовича, и населяли его преимущественно диковатые папуасы, загорелые австралийские яхтсмены, веснушчатые англичане и, разумеется, китайцы. Яхтсмены и бледные уроженцы Альбиона к постоянным жителям отношения не имели никакого, появляясь в размеренной жизни Лиापари лишь в качестве туристов, папуасы же осаждали яхты и англичанок с рюкзачками и в соломенных шляпах с целью заполучить в обмен на свое навязчивое гостеприимство какой-нибудь *present*. О папуасах ходили страшные легенды: слухи об их повальном каннибализме были возведены в статус непогрешимой истины еще Джеком Лондоном. Когда-то эти дети девственной природы и впрямь имели привычку закусить ляжкой католического миссионера или обменять голову белого географа на что-нибудь, представляющее в жизни папуаса особенную ценность, – скажем, цветные стекляшки, алкоголь или вязальные спицы, перед которыми, как всем известно, дикари испытывают генетический пиетет.

Англичане, наблюдавшие за папуасами, держали ухо остро, и вряд ли можно было обвинить их в излишней подозрительности: черт знает, что взбредет в голову этим и по сию пору диким существам, при одном взгляде на которых сразу начинаешь соглашаться со стариком Дарвином, понимая, что в чем-то он, вероятно, был прав, и, вне всякого сомнения, кое-какая частичка человечества произошла-таки от обезьяны.

Что касается китайцев, то их на Лиापари было не так чтобы очень много. Обычно, когда кто-то говорит «немного китайцев», то имеет в виду такую стадионного масштаба толпу численностью примерно тысяч в пятьдесят, но островок такого количества китайцев нипочем не вместил бы и запросто мог уйти вместе с ними под воду, не выдержав тяжести их деятельного оптимизма и стремления повсюду открывать рынки, набитые шлепанцами, утюгами и прочим ширпотребом, рестораны, где со стороны кухни частенько доносится отчаянный предсмертный лай и заполошное кряканье, или ювелирные лавчонки, побрякушки в которых решительно не хотят походить на сделанные из настоящего, а не китайского золота. Так что китайцев на Лиापари было и впрямь очень мало, рынок со шлепанцами и утюгами всего один, ресторанов с тушеной собакой и уткой по-мандарински не более восьми, а ювелирных лавок и вовсе ни одной, несмотря на то что на островке, как и вообще на всем архипелаге, в земле было полно золота. Добычей его, как ни странно, никто особенно не занимался – не было охотников устраивать на архипелаге разгул золотой лихорадки, вероятно, по той же причине, что заставляла англичанок, да и вообще всех белых опасаться папуасских кровожадных обычаев и кулинарных пристрастий.

II

Они приплыли сюда с острова Сан-Кристоваль на рейсовом каботажном пароходике, чья жизнь началась, должно быть, одновременно с восхождением на трон королевы Елизаветы Второй – властительницы архипелага. В пользу этого предположения говорило и то, что пароходик носил королевское имя, от берега старался не удаляться, а когда ему случалось выходить в открытое море, чтобы добраться до соседнего острова, что-то в его машинном отделении начинало столь жалобно стонать, что хотелось сразу же нацепить спасательный жилет и прогуливаться по палубе, откровенно изучая устройство шлюпок, обнадеживающе висевших на специальных, вынесенных за палубную линию над морем кронштейнах.

Пэм, которой до этого не доводилось плавать на подобных судах, немедленно по отплытии оказалась больна морской болезнью, от которой не помогало ничего из имевшихся в распоряжении путешественников средств. Игорь тщетно пытался обнаружить в судовой аптечке хоть что-нибудь, что смогло бы облегчить страдания любимой, но так ничего путного и не обнаружил. Он было вышел из себя и даже хотел что-нибудь такое сделать с капитаном-меланезийцем, равнодушно глядевшим на то, как Игорь исследует скудный запас медикаментов, но рассудил, что негоже начинать новую жизнь с причинения вреда незнакомому человеку, который к тому же еще и бесстрашно правит столь древней плавучей рухлядью. Поэтому он закрыл аптечку, вежливо, чтобы не выдала его интонация, поблагодарил невозмутимого капитана по-русски словами «Чтоб тебя черти в аду...» и, завладев по дороге парочкой лимонов, одолженных им на кухне без ведома повара, направился в свою каюту. Здесь он с искренним сочувствием поглядел на Пэм, в изнеможении корчившуюся на узкой каютной кровати. Ее обычно очень смуглая, как и у всех полукровок, кожа приобрела баклажановый оттенок, губы совершенно почернели, а тело каждые несколько минут сжимали спазмы в желудке, теперь уже совершенно пустом. Игорь разрезал лимон, протянул ей половинку:

– Возьми, я где-то еще в детстве читал, что лимон помогает при качке.

Пэм ничего не ответила, лишь едва заметно кивнула. Взяла лимон, принялась высасывать его и сделалась похожей на злое мифическое существо, название которого Игорь запомнил. Впрочем, много позже, прокручивая для себя эту картину, он вспомнил про горгулью...

То, как она сосала лимон, напоминало некий совершенно интимный, требующий уединения процесс, и Лемешев отвел глаза, окинув взглядом убогое убранство «каюты первого класса», как называлось их теперешнее зыбкое пристанище. Все и впрямь более чем скромно: помещенье метров в девять, по краям узкие, похожие на купейные кровати-полки, посередине столик. Еще было в каюте одно замурзанное креслице дизайнера «тоталь кубизм», крохотный холодильник, беременный двумя огромными бутылками воды, да телевизор, при взгляде на который пропадала всякая охота убеждаться в том, что он, быть может, работает...

– Эгер, – слабый голос Пэм вывел его из состояния оскорбленного созерцания, – я никогда не говорила тебе, что с детства терпеть не могу лимоны?

– Нет, – не оборачиваясь, машинально ответил он. – Но, кроме них, больше ничего нет. Я могу сделать так, что нас высадят на какой-нибудь из островов прямо сейчас. Ты только скажи.

– Мне уже лучше. Хоть я и ненавижу лимоны, но они помогают. Это словно родом из детства: самое полезное всегда самое невкусное, и наоборот. – Пэм помедлила немного. Дышала она все еще очень тяжело, но цвет лица стал возвращаться к привычному смуглому, и это было самым чудесным превращением из тех, что довелось за последнее время увидеть Игорю.

– Что, однако же, за отвратительная посуда! Вот угораздило нас на нее попасть! Не пойму, чем ты думал, когда заказывал билеты на этот плавучий гроб. – Она закашлялась и была вынуждена замолчать, а Игорь обрадовался:

– Ну, раз ты меня пилишь, значит, дело явно идет на поправку. Знаешь, ведь у меня в голове те же самые мысли. Странно, что ты этого не чувствуешь.

Она, уже стремясь обратить все в шутку, слабо отмахнулась:

– Еще чего! Все я прекрасно чувствую и знаю, что ничего лучшего, чем этот ископаемый дредноут, не было. Но ведь попилить-то я тебя должна! Иначе что это за медовый месяц?! Привыкай, дорогой, к тому, что во мне, помимо всего прочего, живет еще и самая обыкновенная... Как это по-русски?

– Стерва? – без всякой задней мысли уточнил Игорь и тут же за свое простодушие попла- тился:

– Кто? Я?! Да как ты мог так меня назвать? Я имела в виду слово «баба»!

Игорь с недоумением уставился на нее:

– А раз ты знала, то зачем спрашивала?

Пэм, морщась от непроходящей головной боли, приподнялась на локте и сделала попытку сесть, но из этого ничего не вышло, и она упала на спину.

– Знаешь что, Эгер?

– Что?

– У тебя знания и опыт столетнего мудреца, но манеры болвана-девственника. Или ты не видишь во мне женщину, или ты надо мной издеваешься с каким-то особенным изыском. Я просто не в силах тебя понять, особенно когда у меня так болит голова. Вообще-то я в подобной ситуации оказалась впервые. Обладая известными тебе способностями, я совершенно ничем из этого не могу сейчас воспользоваться, как назло. Я никогда не могла бы даже предположить, что такой ничтожный с виду пустяк, как морская болезнь, в состоянии превратить меня практически в овощ!

«Меня сейчас можно читать, как открытую книгу, где все прописано черным по белому, без всякого шифра и двойного смысла», – неосторожно подумала Пэм и, сама испугавшись собственной мысли, поспешила добавить:

– Я посплю, у меня ужасная слабость. Не обижайся на меня, милый. Ты не сердись?

– Спи, Пэм, – прозвучал глухой ответ. – Ты мне такой и нужна.

Но женщина его уже не слышала, внезапно, словно по команде, отключившись. Игорь же спокойно придвинул поближе кресло, сел на подлокотник.

– Давай, любимая, выкладывай, что там у тебя за душой. Ты проснешься и ничего не вспомнишь, а мне ты сейчас все расскажешь. Я внимательный слушатель, я все запомню. Прости меня, но пришлось устроить эту качку, иначе в тебя было не забраться. Надо будет когда-нибудь это запатентовать: метод допроса американских шпионов имени Лемешева. Звучит? Как странно, что я не тщеславен. Видать, и впрямь болван-девственник.

С этими словами он вытянул руки и, держа их ладонями вниз в нескольких сантиметрах над головой женщины и совершая легкие пассы, пробормотал:

– Ну, Пэм, рассказывай...

III

Он оказался лежащим вниз лицом на забрызганном грязью бетонном полу. Перед глазами в разные стороны спешно разбежались всякие мерзкие тваришки: мокрицы, паучки, сороконожки, – и было их так много, что в первый момент он решил, что накрыл собой гнездо этой лишь с виду негодной и отталкивающей мелочи. Резко отпрянул, вскочил без опаски, перед тем не уловив затылком ни тяжелой балки низко над головой, ни какого-нибудь иного сюрприза вроде заточенных прутьев арматуры, нарочно торчащих из потолка. Осмотрелся. Холл явно недостроенного, заброшенного здания, причем не факт, что он сейчас над землей, а не где-то в подвале, на неопределимой глубине. Окон не было, свет – очень скупой, рассеянный, в

котором можно было, казалось, различить отдельные, мелким бесом вьющиеся фотоны, – проникал в это помещение невесть откуда и своего источника не обнаруживал. Свет был белесым, словно вечерний туман над полем, и таким же безжизненно холодным. Игорь увидел прямо перед собой дверь. Ее наличие вполне определялось логикой и поддавалось довольно простому объяснению: раз есть дверь, значит, это выход, значит, нужно просто открыть ее и покинуть это неприятное помещение, наполненное светящимся туманом и отвратительными насекомыми. Так он и сделал.

Перед ним открылся коридор, очень опрятный, застеленный, словно в отеле с высокой звездностью, зеленой ковровой дорожкой, стены одеты в деревянные, светлого дуба панели, потолок расписной, с нейтральным рисунком голубых небес и раскиданных по ним там и сям белых облаков. Приглядевшись, Игорь понял, что облака движутся. При этом совершенно отсутствовало ощущение, что потолок этот – плод современных технологий, затейливая электронная выдумка, до того натуральным выглядело небо, и как будто ощущался едва заметный ветерок, принесший откуда-то запах луговой травы и желтых новорожденных одуванчиков.

Вдоль стен шли добротные, крепкие на вид двери, каждая из которых если и была снабжена номером, то цифры в нем были точно не римскими и не арабскими, а скорее напоминали буквы какого-то неведомого Игорю алфавита и сильно походили на рунические письмена, достойные быть начертанными каким-нибудь чернокнижником. Решив не гадать, а действовать с банальной очередностью, Лемешев толкнул первую от себя по левую руку дверь и вошел в такой же в точности каземат, что покинул перед этим. Впрочем, схожи помещения оказались только внешне: в этом не было никакого тумана, а из потолка свисала на кишке электропровода самая обыкновенная лампочка без всякого абажура. Выключателя нигде не было видно, а лампочка, хоть с виду и простенькая, вдруг загорелась и принялась излучать до странности нелепый свет оттенка морской волны. Помещение без окон было совершенно пустым, и здесь на Игоря накатила такая безнадежность, такая скука и отчаяние, что он поспешил захлопнуть эту дверь, про себя назвав виденное им только что место «комнатой зеленой тоски».

«Милой Пэм не чуждо ничто человеческое, и путешествие внутри ее души начинается с этакого античистилица, населенного разной гадостью, а продолжается комнатой, в которой она прячет свою печаль. Все, как описывал безумный гений Ницше: «Человеческое, слишком человеческое!» Однако дверей много, времени мало, а заглянуть надо постараться за каждую. Кто знает, когда еще может выдаться такая возможность и Пэм вновь уснет вот так же, в беспмятстве, изнуренная качкой? Во всяком случае, подготовка к такому исследованию занимает чересчур много времени и средств, да и сымпровизировать во второй раз у меня вряд ли получится. Шутка сказать – загашить ее на другой конец света, уговорить сесть на этот плавающий кошмар, и все, по сути, во имя химеры, пришедшей в голову лубянским умникам. Хотя чего уж тут греха таить, дело свое они знают и замысел их работает пока что без срывов. Пойду-ка я дальше».

За следующей дверью имелась комнатка, именно «комнатка», такая она была маленькая, напоминающая скорее кладовку для всякого хлама, который уже не нужен, но вроде и выбросить жалко. Обычно под таким годами скапливающимся бараклом дети любят прятать свои «секреты», и это может быть решительно все, что угодно, от сигарет до колоды карт, украшенных откровенными фотографиями. Отчего-то Игорь подумал именно об этом, когда рассматривал комнатку, все стены которой, до самого потолка, были заняты бесчисленными полками. На полках этих во множестве лежал всякий пыльный хлам вроде старого телевизора, пылесоса, дюжины разнокалиберных стаканов и прочей посуды. Там же Лемешев заприметил куклу Барби, лоб которой был слегка прижжен сигаретой, словно ее допрашивали с пристрастием, коробку с игрой «Маленькие Феи» откуда торчал кусок розовой ленты, и средних размеров медвежонок с белым носом и голубой шерсткой, очень милого, настоящего медвежонок из детства, который, наверно, был у всякого малыша вне зависимости от места его рождения

и национальности. И у Игоря такой медвежонок тоже был, и он его сейчас отлично вспомнил и удивился, что вдруг перехватило горло. Разом всплыл перед глазами отчий дом, мамины теплые губы, отцовские руки – большие, надежные, и его медвежонок – бурый, одетый в детскую распашонку и ползунки самого Игоря, набитый опилками, с нещадно изгрызенным хозяином пластмассовым носом, с мягкими плюшевыми ушами. Маленький Игорь засыпал с ним вместе, и под утро мать или отец, заходившие в детскую, неизменно видели одну и ту же картину: сына, обнимающего своего бессловесного опилочного друга-страстотерпца, и картина эта была в высшей степени умилительной.

Игорь снял медведя Пэм с полки и сразу же увидел, что детский талисман загоразживал какую-то жестянку от печенья, довольно объемную, как и подобает американской жестянке от печенья. Усадив мишку полкой ниже, Лемешев завладел коробкой, открыл ее и тут же, издав короткий вопль отвращения, вернул на место. Жестянка хранила в своем чреве стандартный набор практикующего колдуна-вудуиста: травы для наполнения нательных талисманов, пузырьки с маслом, ветка священного дерева сейба, иссохшая рука мертвеца, куриная голова, белый восковой брусок и стальные вязальные спицы для инвольтирования на смерть. Или все это принадлежало когда-то вуду-колдунье? На жестянке сохранилась дата: одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертый год.

«Ах да, ведь мать Пэм всерьез занималась вуду. Кажется, даже имела степень мамбо.⁴ От нее наследство досталось, не иначе».

Из комнатки-кладовки Игорь переместился в настоящий парадный зал невероятных размеров, с мраморным полом. Здесь, прямо на полу, в кажущемся беспорядке были расставлены святыни американской демократии: статуя Линкольна из его мемориальной гробницы, изваянная в свою полную, чудовищную величину, знакомая Игорю статуя Вашингтона из мемориального масонского капища в Александрии, памятник генералу Ли, Колокол свободы – Либерти Белл, пробитое тремя пулями звездно-полосатое знамя времен Войны за независимость, бронзовый Томас Джефферсон и много еще чего в этом духе. Посередине, прямо в полу, размещался искусно выполненный из разноцветного мрамора герб Центрального разведуправления: белоголовый ястреб, держащий в когтях розу ветров, что символизировало вездесущность данного ведомства. Этот зал был особенным уголком души Пэм, в нем она хранила верность своим идеалам, дух своего искреннего, ничем не подточенного патриотизма, и герб ее родного ведомства занимал среди всех прочих дорогих американскому сердцу реликвий наиболее почетное место.

«Ну вот ты и раскрылась, девочка моя, – грустно поздравил себя Игорь с первой удачей. – Что и требовалось доказать. А на что я, дурак, собственно, рассчитывал? Что она действительно забудет о системе, частью которой была многие годы, и безвозмездно отдаст всю себя мне? Чушь, ерунда, но все-таки как обидно. Ведь здесь, в этом зале, все блестит и сияет, словно тут прибирают по три раза на дню. Ах, Пэм, Пэм! Я ведь знаю, что еще смогу встретить за дверьми коридора твоей души: обязательно люциферову комнату с черным алтарем и будуар, набитый спасительными для всякой женщины за сорок причиндалами. Однажды какая-то дурочка из моей туманной юности сказала, что для нее сорокалетие означает лишь необходимость перехода на другие кремы. Интересно, что с ней теперь, и есть ли в этом коридоре дверь, отворив которую я смогу увидеть свой портрет? Вот было бы отраднo! Найди я в тебе такой укромный закоулочек, забыл бы все, что видел, и, самое главное, поверил бы тебе. Стоит поискать, не то впору разбить себе голову о Либерти Белл – треснувший голос американской свободы».

⁴ *Мамбо* – так у вудуистов называют жрицу.

* * *

Он, как и предполагал, обнаружил все и даже сверх того: и черный алтарь в комнате со статуей Бафомета в углу – символ ее истинной веры, ибо Пэм, вне всякого сомнения, являлась убежденной, идейной сатанисткой, и будуар с интимным содержимым, и еще великое множество всего, что так истово и бережно хранит душа всякого человека, – но комнаты, в которой ему хотелось бы видеть собственный портрет, Игорь найти не смог. Зато в одной из множества похожих друг на друга комнатушек сидел его отец – почти в том самом виде, в каком Игорь застал его тогда, много лет назад, в доме в римском предместье, с той лишь разницей, что папина голова была целой, а сам он находился без сознания, индифферентный ко всему окружающему и с остекленевшим взглядом. Вот и свершилось. Конец теперь всем подозрениям, Пэм – убийца его отца, в этом нет никаких сомнений. Игорь, сдерживая подступившую к горлу ярость, вышел вон, борясь с искушением попытаться растормошить отца, заговорить с ним. Подобная сильнейшая визуализация могла не только нарушить сон Пэм, но и вызвать фатальные изменения в ее психике, а это, в свою очередь, непременно вызвало бы поражение нервной системы и болезнь. Заснув всего лишь измотанной морем, она рисковала проснуться полной идиоткой или даже впасть в кому, а этого Игорь не мог допустить. Пришлось ему оставить сильные эмоции до лучших времен, до возвращения в земной мир реальных вещей.

Вместо этого он озадаченно замер перед последней дверью, на которой красовалась двойная руническая «зиг», а рядом были изображены герб Израиля – семисвечник и Христово Распятие. Не имея никаких идей насчет того, что могло бы находиться за дверью со столь причудливым сочетанием несочетаемых символов, Лемешев толкнул ее, но вопреки ожидаемой легкости дверь не поддавалась. Она была накрепко заперта.

Конечно, все это было весьма условно – и этот коридор, и комнаты, и зеленая ковровая дорожка, – но именно такой предстала Игорю душа изнуренной морской болезнью женщины, чью тайну он должен был раскрыть согласно полученному им заданию. Он визуализировал свои телепатические поиски, сведя их к примитивному, но чрезвычайно действенному образу «уголков души», каждый из которых скрывался за дверью без замка. Каждый, но только не этот последний, чей секрет хранила дверь с эмблемой СС, иудейской менорой и последней ношей Иисуса – тяжелым крестом из двух соединенных в паз и перевязанных веревкой сосновых балок. Стоя перед этой защищенной непостижимыми заклятиями дверью, Игорь понял, что нашел, наконец, то, ради чего был затеян весь этот грандиозный, тщательно продуманный спектакль, в котором ему отводилась не только заглавная роль, но также и должность, если так можно выразиться, драматурга, то есть создателя действия, от воли которого зависел весь ход развития дальнейших событий. Дверь была лишь иллюзией, но иллюзией нижнего мира, Игорь точно знал это. Просто здесь, в человеческом представлении, именно так и должно выглядеть препятствие на пути к разгадке главной тайны: дверь без замков, но все же закрытая, и черт бы его побрал, если сейчас он знает, что следует делать дальше. Это словно найти платиновую кредитку и попытаться снять с нее кучу денег, не имея коротенькой комбинации из четырех цифр. У вас есть всего три попытки, а дает их бездушный, запрограммированный железный шкаф, который после третьего неправильного ввода невозмутимо проглотит источник неправедного, но столь вожделенного легкого обогащения.

* * *

Игорю всегда везло. Стань он профессиональным игроком, он раздевал бы казино одно за другим, покуда его не перестали бы пускать в эти заведения, напоминающие роскошно обставленные клиники для душевнобольных, ибо страсть к игре питает безумство. Сколько попыток

есть у него? Вполне может статься, что одна-единственная, и при малейшей ошибке его выкинет из этого коридора, из чужого «я», в которое он вторгся столь бесцеремонно и основательно. Лемешев принялся рассуждать и в том зашел весьма далеко:

«Здесь какая-то загадка. Ларчик, то есть в данном случае дверь, наверняка открывается просто, но для этого нужно постичь некую закономерность, объединяющую все три символа. Сознанием Пэм кто-то манипулировал и поставил в нем код сродни тому, что ставит врач-нарколог больному зависимостью пациенту. Всякий код можно взломать, если только знать его принцип. Дайте мне точку опоры, и я переверну мир – Архимедовы слова. Где же здесь точка опоры? Эмблема СС, «охранных отрядов», созданных в двадцатых годах прошлого века. Именно охранять должна была эта организация, в этом был ее первоначальный смысл. Значит, руна здесь, для того чтобы показать: то, что находится за дверью, находится под охраной. Но СС больше не существует, во всяком случае хочется в это верить, значит, глагол требуется поставить в прошедшем времени: охранялось. Что-то охранялось. Что-то, имеющее отношение и к Израилю, и к распятию. Распял Христа израильский народ – это факт, с этим не поспоришь. Но при чем тут менора-светильник? Да вот как раз при том. Значит, можно предположить, что за дверью находится нечто, имевшее отношение к Христу во времена семисвечника, то есть во времена, когда был построен и процветал Второй храм Иерусалимский, после разрушения которого государство Израиль на долгие века исчезло с карты мира! Так-так. Значит, за дверью какая-то тайна, берущая начало в ту самую эпоху. Думай, Игорь, ты счастливчик, тебе голова дана не для того, чтобы ее на ветер выставлять тяжелую, похмельную, а для того, чтоб думать. Какой-то секрет, который явно интересовал охочих до подобного немцев, быть может, что-то, чему они придавали исключительное значение, ценили, как величайшую реликвию, но утратили. Иначе какого, спрашивается, черта, информация об этой реликвии хранится у Пэм в голове под семью замками?!»

Игорь ни на секунду не прекращал мозговой штурм, имея все основания предполагать, что он на верном пути. Разведчика отличает исключительная логика, только благодаря ей он продлевает себе жизнь, избегая провала, умея находить единственный правильный выход из лабиринта, на каждом повороте, в каждом ложном закоулке которого может поджидать смертельная опасность. Сейчас он находился на пике мысленного восприятия, визуализируя не что-нибудь, а мозговой центр Пэм, соединенный с ее душой посредством этого появившегося в воображении Игоря коридора. Символы – рунический, геральдический и церковный – нужно выстроить в правильной последовательности!

Усилив визуализацию, он поместил каждый из символов на отдельную эмалевую табличку, взгляделся в них еще раз, и вдруг, будто дождь, внезапно павший с безоблачного неба, пришла идея. Двойную «зиг» нужно поставить вперед, тогда получается первая часть предложения: «СС охраняло...» Он снял с двери эту табличку и поместил ее слева, как и положено правилами нашей письменности, в которой записи ведутся и читаются слева направо, а не наоборот, как это принято у семитских народов – арабов и евреев. Что охраняло СС? Менору, герб Израиля, – то есть Израиль или какой-то из его величайших секретов. Следовательно, табличка с изображением светильника следующая, и предложение далее звучит так: «СС охраняло Израиль...» И вот, наконец, последняя часть – табличка с изображением распятия. Игорь поставил ее в конец, перевел дух, чтобы унять нахлынувшее в преддверии победы сердцебиение, и как можно более спокойным голосом по-английски прочел следующее: «СС охраняло Израиль, распявший Христа».

Стоило Лемешеву произнести составленное им предложение, как все три таблички, три части охранного ребуса исчезли бесследно, и дверь сама открылась, плавно и бесшумно, пропуская его в святая святых. Задача, казавшаяся неразрешимой, выдала свой секрет и теперь, как и любая придуманная одним человеком и разгаданная другим комбинация, казалась Игорю до смешного простой, как кажется простым заправскому медвежатнику или хакеру очередной

свежевзломанный сейф, очередной сервер... Желая сделать самому себе приятный сюрприз, он закрыл глаза, прошел пару шагов и прикрыл за собой дверь.

– Раз, два, три!.. Твою ж мать! – вырвалось у Игоря, когда он очутился в начале нового коридора, куда длиннее первого. Этот коридор показался Лемешеву бесконечным. На сей раз здесь не было никаких дверей и ковровой дорожки, не было и движущегося небесного потолка. Стены были обшиты как будто дешевеньким пластиком, а пол наглухо застелен резиновым покрытием, какое любят использовать в спортивных залах. Вдоль потолка тянулись трубки ламп дневного света. «И нет в этом ничего удивительного, – подумал Игорь, – ведь тот коридор придумал я, а этот, по всей видимости, находится в воображении Пэм. Он скорее похож на проход внутри чудовищных размеров космического корабля. Все же насколько американцам свойственна любовь ко всему огромному! Нация поклонников динозавров, сэндвичей размером с Бельгию и автомобилей, больше напоминающих дома на колесах. Пэм, детка, на кой черт ты в детстве так увлекалась «Звездными войнами»? Мне понадобится как минимум скейт или роликовые коньки, чтобы здесь путешествовать».

Он сделал первые несколько шагов и поразился тому, с какой скоростью удавалось ему идти: всякий шаг получался будто семимильным. Ободренный такой волшебной особенностью, Игорь побежал и почти сразу же уперся в кирпичную глухую стену – коридор заканчивался тупиком. О том, чтобы проломить такое препятствие, можно было и не мечтать. Оставалось лишь признать свое поражение, кроме того, самое время было подумать о возвращении.

Внезапно кирпичная стена начала двигаться прямо на Игоря. Означать это могло только одно: Пэм вот-вот проснется. Ее рассудок обретал прежнюю силу, вытесняя из себя постороннее присутствие. Движущаяся стена производила невероятный шум, царапая стены, скрежеща по полу и сметая с потолка длинные тонкие лампы, которые разлетались на тысячи осколков, громко хлопая, как китайские петарды на Новый год. Какофония была сильнейшей. Игорь уже готов был отступить, но в последний момент, уже возле гостеприимно распахнутой двери, которую украшали прежде три охраняющих символа, остановился как вкопанный, застигнутый врасплох внезапной догадкой: а не является ли все это лишь обманом, второй линией обороны? Резко нахлынувшее чувство отрезвления обжигало, как пощечина. Что, если коридор этот и движущаяся стена – не более чем хитрое, тщательно закамуфлированное плутовство? Ведь коридор этот создан уже не его, Лемешева, усилием мысли, а мыслью чужой, и притом невероятно сильной!

«Слишком здесь все буквально, без изысков. Стена – пресс для чужой воли, призванный вытолкнуть всякого, кто пробрался так далеко. Поддаться грубой силе – значит расписаться в собственном бессилии, а это не мой путь». Игорь разбежался и что есть силы прыгнул прямо в кирпичную стену, вперед головой!

* * *

Он ожидал удара, искр перед глазами, головокружения, но вместо этого вновь оказался лежащим на животе, ощущая под собой что-то очень твердое и холодное. Еще не открыв глаза, он услышал звук, похожий на цоканье лошадиных копыт, и, сообразив, что прямо сейчас может угодить в очередную ловушку, вскочил на ноги. От увиденного у Игоря перехватило дух. Он стоял на площади, окруженной со всех сторон роскошными домами, и прямо перед ним возвышалась статуя человека с величественной осанкой, сидящего верхом на вздыбленном коне, вся в зеленом налете патины, которой обыкновенно покрывается любое отлитое из бронзы изваяние. Надпись на постаменте гласила, что статуя была воздвигнута в честь великого полководца Евгения Савойского скульптором Антоном Фенкорном на пожертвования знатных граждан Вены и по заказу королевского двора Габсбургов в правление императора Франца-Иосифа.

– Позвольте мне поставить здесь мольберт, экселенц! – услышал Игорь чей-то, без сомнения, юный голос. Так и есть: молодой человек, сразу видно, что до крайности бедный, настоящий оборванец. Пальто с чужого плеча, размеров на шесть больше, чем требуется: плечи висят, рукава волочатся, словно в итальянской пантомиме, и завернуться в него парень мог бы по меньшей мере дважды. На голове зеленая фетровая шляпа с засаленной атласной лентой коричневого цвета. Ботинки молодого человека находились в преддверии катастрофы, и подошвы на них держались вопреки всем законам природы, должно быть, чудом. В руках юноша держал сильно потертый складной мольберт и холщовую сумку – не иначе нищий венский художник. Пахло от него почему-то геранью.

Свой вопрос он задал полицейскому унтеру, разительно отличавшемуся от оборванца толстяку в мундире и стальном шлеме с высеребренным шпилем. Усатый полицейский имел три подбородка и был вооружен револьвером и саблей.

– Пшел отсюда, негодный маляр. Малюй свою мазню в другом месте и мне на глаза не попадайся, а то арестую тебя за бродяжничество и приставание к прохожим, – пророкотал унтер.

– Но я никогда ни к кому не приставал, – робко стал защищаться художник. – Я живу не милостыней, а своими рисунками, их охотно покупают туристы.

– Рассказывай! Кого интересует твоя мазня? Сказано тебе было проваливать! Не хочешь добром, так будет по-плохому. – И полицейский, перейдя от слов к рукоприкладству, сильно пихнул нищего живописца кулаком в грудь, отчего тот упал, а мольберт от удара о мостовую раскрылся, и стопка рисунков выпала из него. Налетевший порыв ветра разметал листки, один из них, спланировав, будто морская чайка, приземлился прямо у ног Игоря, и тот увидел, что бумага хранит изображение какого-то странного предмета, по форме напоминающего не то длинный и широкий обоюдоострый нож, не то наконечник копья, полый в середине, завернутый словно в фольгу и перевязанный в двух местах тонкой, скрученной втрое проволокой.

– Что это у тебя? – Унтер поднял один из листков, взгляделся в рисунок повнимательней, и туповатое лицо его неожиданно просветлело: – А неплохо, черт бы тебя побрал! Выходит, ты действительно художник, раз так правдиво изобразил этого старого дурака музейного зрителя. Да просто одно лицо! А я-то думал, что ты просто чокнутый богомаз или, того хуже, порнограф. Оборванцы с твоей внешностью любят рисовать голых баб. И как это у тебя получается?

Полицейский принялся подбирать разворощенные ветром рисунки, а затем в знак особого расположения протянул руку еще толком не пришедшему в себя молодому художнику:

– Вставай-вставай, дружище. Ты уж не обижайся, у меня служба такая. Не сильно я тебя? Ты, поди, ударился?

– Да нет, ничего... – Игорь увидел, что лицо парня исказило брезгливое выражение, словно тот с трудом нашел в себе силы ответить своему гонителю. – Со мной все в порядке. Спасибо. – Он принял из рук унтера пачку рисунков и, не замечая Игоря, бросился к последнему листу. – О! Мое копьё!

Подобрал листок, под сочувственным взглядом полицейского отряхнул пальто.

– Так могу я все-таки поставить здесь свой мольберт? Я рисую Хофбург почти круглый год, и снаружи, и внутри. Особенно хорошо продаются рисунки с королевскими сокровищами, ведь всем приятно любоваться на чужое богатство, пусть даже и нарисованное.

Унтер вместо ответа важно кивнул, отвернулся и пошел себе восвояси, а парень занялся своим делом. Игорь встал у него за спиной и увидел, что тот закрепил на станке мольберта почти готовый рисунок дворца Хофбург, сделанный прежде именно с этой позиции.

– Я буду жить в этом дворце. Его залы, его лестницы ждут меня, его балкон предназначен для моей речи перед нацией, – бормотал художник, быстро смешивая краски на небольшой

фанерной палитре. – Все его сокровища станут моими, и, овладев великим копьем, я найду способ завоевать весь мир!

В чужом воображении Игорь был лишь непрошеным гостем, он не в силах был заговорить с этим оборванцем, но, конечно же, сразу догадался, кто перед ним. Его догадка полностью подтвердилась, после того как, внимательно всмотревшись в рисунок, в правом нижнем углу он без труда прочитал подпись художника: «А. Hitler».

И тут же все пришло в движение, площадь закружилась, словно гигантская карусель, исчез королевский дворец, исчезла статуя конного полководца, а последним исчез корпеющий над своей работой одержимый молодой фанатик. Игорь, выброшенный из духовного мира Пэм, пришел в сознание и увидел, что он по-прежнему сидит в убогой каюте, что пол под ногами все так же отчаянно раскачивается, а стрелки часов с момента начала его путешествия передвинулись не более чем на минуту.

IV

Спустя день после прибытия на остров Пэм уже совершенно оклемалась и, по собственным ее словам, чувствовала себя «гораздо лучше, чем когда-либо». Они сняли дом на берегу океана, с собственным причалом и небольшой моторной посудиною, довольно, впрочем, скоростной. Агент из риелторской компании, пронырливый малый кофейного цвета в безукоризненно белой хрусткой сорочке, прилетевший на вертолете с соседнего большого острова, где были расположены блага цивилизации в виде столицы под названием Хониара, аэропорта, асфальтированных километров и отелей с системой климат-контроля, сообщил, что дом можно не только арендовать, но при желании и купить, а подвоз продуктов и всего необходимого может осуществляться хоть каждый день, если только не сильно штормит.

– Три года назад на Бугенвилль, это там, далеко, – пояснил он, неопределенно махнув рукой и продемонстрировав золотые часы размером с блюдце, – обрушилось самое настоящее цунами. Конечно, не столь сильное, как было в Таиланде, но тем не менее много людей погибло, много домов тогда разрушило до основания. У нас тогда здорово шел бизнес – цены взлетели из-за скудного предложения. Ведь домов-то стало после цунами намного меньше, – глубокомысленно закончил он, оставил свои координаты и, пожелав «бесконечного наслаждения», улетел.

– Вот кто настоящее зло, – задумчиво провожая вертолет глазами, сказала Пэм. – Ему плевать, что погибли люди, главное, что цены взлетели, и он вспоминает о том времени с ностальгией. Ну понятно, что обвинят-то во всем старого рогатого черта – козла отпущения. Ведь это он напустил цунами, иначе и быть не может.

– Да будет тебе, милая. Мы наконец-то вдвоем, ближайшая деревня в сорока километрах, никто не знает, что мы здесь. Давай наслаждаться остатком жизни, тем более что он у нас еще весьма существенный. – Игорь обнял ее, про себя подивившись тому, как это ему удастся так разделять чувства и работу. Несомненно, он любит Пэм, сейчас даже больше, чем когда-либо.

– Да-да. – Пэм рассеянно поглаживала его руку. – Я все никак не могу настроиться на бездельный лад, все мне кажется, что вот-вот получу новое задание и нужно будет сорваться и лететь куда-то навстречу неизвестности. – Она улыбнулась. – До чего банально все это. Однако – что же получается? Мы в раю?

– Как Ева и Адам, – кивнул Игорь. – Жаль, что это просто сказка для простаков, что никогда никакого Адама в раю не было, да и рая-то самого нет в этом мире. Когда я впервые понял это, то...

– ...стал каббалистом и масоном, – закончила за него Пэм. – Представь себе, что я тоже. Видимо, в масонство через каббалу можно пройти лишь одним путем. Быть может, к нему ведет множество разных людских дорожек, но перед главными воротами в мудрость все они

сливаются в одну. Что же у нас с тобой впереди, Эгер? Одно сплошное бесконечное наслаждение? Но так не бывает, так не должно быть. Ведь проторчать здесь, как ты говоришь, всю оставшуюся жизнь означает себя из этой самой жизни вычеркнуть! Давай дадим друг другу честное слово, что никто из нас не собирается жечь мосты. Останемся здесь, будем отдыхать по полной программе, но как только нам с тобой надоест, мы признаемся сами себе, что наступило время что-то менять. Свободой нужно пользоваться, а не жить ради нее.

Игорь ничего не ответил. Он просто смотрел на океан и улыбался. Он знал, что всему на свете рано или поздно придет конец, и величайшее, громадное счастье человеческое в том, чтобы найти в себе силы и начать жизнь заново, не оглядываясь на прошлое, лишь потому, что прошлое прошло.

* * *

Потекли дни, полные сладостного безделья. Неделя сменяла другую, месяц уступал свое место собрату, а в доме на берегу океана все шло своим, мерным и одинаковым чередом. Игорь вставал чуть свет, бегал вдоль берега, затем будил Пэм, они вместе завтракали, сидя на веранде и посматривая на белые макушки волн. Потом начинался прилив, и тут уже Пэм брала в свои руки все, что происходило в последующие два-три часа. Они с воплями носились по волнам на досках, и Игорь, у которого поначалу никак не получалось оседлать даже самую скромную волну, научился в итоге довольно сносно кататься, выполняя излюбленные всеми серферами «трубу», «хит зе лип» и прочие акробатические трюки. Серфинг был главнейшим событием всего дня, остаток которого Игорь и Пэм проводили в обсуждении катания, вспоминали предыдущие волны и мечтали о настоящем, серьезном шторме, когда валы прибоя будут размером с дом и можно будет проскакивать в «трубу» от залама волны длиной в сотню метров.

– Я только раз в жизни видела такое, – вздохнула рассказывала Пэм свою излюбленную историю, – еще когда была десятилетней девчонкой и соседняя семья брала меня с собой на океан в Оушен-Сити или на Рахобов-Бич. Однажды случился шторм баллов в двадцать, и я отлично помню, что это было за величественное зрелище. Все разбежались, попрятались кто куда, все, кроме двух придурков, белых, храбрее которых я еще не видела. Им наплевать было на шторм, на то, что их могло унести в море, переломать волнами, они седлали самые высокие волны одну за одной и летели на них с ужасной скоростью. До сих пор думаю, как это они не задохнулись от такого количества адреналина, ведь кататься на доске по таким волнам – это то же самое, что раскрывать парашют у самой земли, предварительно выпрыгнув из самолета с высоты десяти километров. С тех пор как я научилась и тому и другому, мне все не удавалось поймать волну той же высоты, что ловили те отмороженные белые, и я знаю, что просто обязана сделать это. Если такое под силу белому, то мне под силу тем более. Видишь, как выгодно быть полукровкой? Когда мне нужно принять ту или иную сторону, я делаю это не раздумывая и ничуть потом не корю себя за правильность выбора. Помнишь, Эгер, я говорила тебе, что даже это место способно вызвать отвращение? Так вот, я все еще не чувствую ничего подобного, я жду своего шторма в двадцать баллов и дождусь его здесь, вместе с тобой. Хочу, чтобы ты видел меня в момент моего абсолютного триумфа. Я тогда буду даже круче, чем Кевин Костнер в фильме «Водный мир», мне так кажется. Да.

* * *

Как-то в один из этих похожих дней новой эпохи они, пресыщенные океаном, просоленные им насквозь, решили обследовать островок, чтобы найти хоть кого-то похожего на себя, то есть двуногого, носящего одежду, употребляющего гель для душа и виски, – словом, человека. Действительно, ближайшая деревня находилась километрах в сорока, в глубине острова, имела

в высшей степени туземное название, которое с первого раза выговорить нипочем не удавалось, и была для Лемешева и Пэм тайной за семью замками – они никоим образом не были с ней связаны, ведь все необходимое подвозил им катер с соседнего острова. Игорь решил подготовиться к этой небольшой экспедиции весьма тщательно и помимо запаса провизии прихватил с собой револьвер, а Пэм повязала голову глухим платком, опасаясь каких-нибудь ядовитых клещей – по ее убеждению, они вполне могли водиться в лесах, через которые им предстояло идти. Путешественники выступили в поход после завтрака и были готовы к приключениям, достойным Робинзона, но все оказалось несколько прозаичней: совсем неподалеку от дома они наткнулись на сносную грунтовую дорогу и некоторое время шли по ней, пока их не подобрал какой-то попутный грузовик, перевозивший из одной деревни в другую множество галдящих дурными голосами кур. В кабине нашлось достаточно места, а отзывчивый шофер, черный, как гуталин, парень в застиранной клетчатой рубашке и белой панаме, не дал им скучать. Он довольно сносно говорил по-английски и всю дорогу развлекал своих попутчиков разными историями из жизни аборигенов – обитателей как Лиापари, так и всех прочих островов, поскольку водная стихия преградой для сплетен никогда не считалась.

– А здорово вас потрепало большой волной? – поинтересовалась Пэм, скорее из вежливости, чем и впрямь интересуясь.

– Нет. – Парень заливисто расхохотался, но тут же оборвал сам себя. Он вообще был какой-то странный: начинал было смеяться, громко, истоно, а затем внезапно переходил на спокойный тон или вообще замолкал. Движения его были резкими и больше напоминали движения какого-то механизма, настолько в них отсутствовала хоть малейшая пластика. – Та волна вышла отсюда, ударила в чужой берег, перебила много белых и опять вернулась, чтобы великий колдун запер ее в свой ящик великих бед. Ничего страшного, погибло всего несколько белых, которые жили в своих виллах на берегу. С тех пор они сюда носа не кажут, вы первые.

– Вообще-то я тоже белый, – начиная раздражаться, вставил Игорь. – Есть грань, за которой шутка перестает таковой являться. Что это за расовая ненависть у отдельно взятого перевозчика кур?

– Простите, масса. – Черный шофер с вежливым почтением, без тени фамильярности снял с головы свою панамку. – К вам это не относится, ведь мы знаем, кто вы такой. Именно поэтому вам здесь ничто не может угрожать. Великий колдун будет рад, он наградит меня за то, что я привез вас обоих к нему. Ваше пребывание здесь – большая честь для всех жителей Лиापари.

Игорь подмигнул Пэм, но скорее чтобы скрыть собственную растерянность, чем пытаясь выглядеть самоуверенным:

– Видала? Они знают, кто я такой. Но я-то ведь не знаю, кто они такие. Я ничего не чувствую, нет в этом парне злого духа, в нем вообще, кажется, ничего нет. Он словно робот.

– Он и есть робот, Эгер. Вернее, зомби. Мы в краю вуду. – Пэм блаженно потянулась и, прищурившись от яркого солнца, опустила на нос солнечные очки, до этого игравшие роль обруча для волос. – Вуду – мой дом родной. Когда приедем, ничему не удивляйся.

– Нет-нет, милая моя, сомнителен мне этот паренек. Вызывает подозрения. Ты не против, если я его проверю?

Она кивнула. Разговор их шел по-русски, предполагалось, что перевозчик кур с Соломоновых островов уж никак не мог знать язык страны, находившейся отсюда за многие тысячи километров. Да и откуда у простого водителя талант полиглота? Однако по смятенному взгляду Пэм Игорь понял: все и впрямь совсем непросто с этим парнем. Тот заметно напрягся, буквально вцепился в руль, физиономия его дышала сосредоточенной готовностью отразить любую попытку насилия. Игорь перешел на их с Пэм внутренний язык, коря себя за то, что до сих пор не пользовался этим проверенным способом общения, излишне доверяясь национальному «авось».

«Мне кажется, он все прекрасно понимает».

«Мне тоже так кажется, Эгер».

«Кто он в таком случае, как ты считаешь? В моем учреждении таких фруктов не растет, знаю точно. Хотя черт их знает, чего они там выдумали! Но все же в такую возможность я верю меньше всего».

«Он скорее всего из моего учреждения. – Игорь увидел, как Пэм нервно сглотнула. – Если так, то я сильно сомневаюсь, что он привезет нас туда, куда нам надо. Сделай с ним немедленно что-нибудь, мне страшно просить его остановить машину. Страшно, что он не станет останавливаться».

– Слушай-ка, друг, – обратился Игорь к парню. – А тебе не кажется, что на спущенном баллоне мы, во-первых, далеко не проедем, а во-вторых, вообще можем слететь с дороги? Ты же еле справляешься с управлением, вон как машина виляет. Может, стоит выйти да заменить колесо? И я бы помог, я не белоручка.

Парень вытаращился на него с явным непониманием. Какое колесо? Да все у него в порядке с этими самыми колесами, он ничего такого не чувствует!

– Ну как же? Ты ради интереса выгляни наружу, у тебя левый баллон уже в лохмотья, поди, разлетелся, – продолжал спокойно настаивать Игорь.

Парень фыркнул, сделавшись на мгновение похожим на чихнувшего ротвейлера, и, не сбавляя скорость, выглянул в окно. Увидев, что колесо в полном порядке, он было открыл пошире рот, чтобы по своему обыкновению расхохотаться, но внезапно поперхнулся чем-то и сильно закашлялся. Какая-то муха из тех, что водятся в этих широтах в исключительном разнообразии, ничтожная, пустяковая муха размером, правда, поболее шмеля, направлявшаяся куда-то по своим делам со скоростью курьерского поезда, не разбирая дороги, влетела в распахнутый рот шофера, проникла в дыхательное горло и полностью закупорила трахею, сжавшуюся от сильнейшего спазма. Парень принялся мычать, пытался откашляться, бил себя кулаками в грудь. Он задыхался, и белки его больших, навекате глаз вмиг покрылись кровавой сосудистой сеткой. Руль он бросил, ноги уже конвульсивно задергались, и правая ударила по акселератору. Игорь, заорав «полундра», быстро схватил руль и направил машину под откос, оказавшийся, к счастью, весьма пологим. Выбирать ему не пришлось – справа был довольно глубокий каменистый овраг с почти отвесными стенками. Промчавшись метров полтора, машина опрокинулась, сопровождаемая многоголосным куриным кудахтаньем и воплями Пэм. Она, вцепившись в какую-то железку, пыталась удержаться и не навалиться на Игоря, которому пришлось и вовсе несладко: он сильно ударился головой о ветровое стекло и сквернословил на чем свет стоит. Из машины нужно было как можно быстрее выбираться – агрегат этот был древнее древнего и запросто мог загореться, взорваться, одним словом, доставить своим пассажирам, возможно, самую большую в жизни всякого человека, поистине смертельную неприятность.

– Что с ним случилось? Что ты с ним сделал?! Неужели нельзя было придумать что-нибудь более оригинальное! Ведь он нас почти угробил! – Пэм, ощупывая затылок, которым, должно быть, изрядно приложилась, плаксивым голосом отчитывала Игоря.

Тот просто лег на землю, закрыл глаза и молчал. Затем все-таки не выдержал:

– Я ничего не сделал. Не успел. Я вообще не понимаю, что могло с ним произойти. Надо достать труп из кабины, осмотреть его. Не исключено, что его подстрелил снайпер, может быть и такое, я ничего не хочу утверждать заранее. Как ты? Сильно ударилась?

Пэм прикрыла глаза и отмахнулась. Происходит что-то из ряда вон выходящее, чего быть не должно, что не укладывается в ту спокойную, ставшую уже привычной картину их островного бытия. Только сейчас она вдруг поняла, насколько ей дорого это райское безделье, и сердце ее тоскливо сжалось: «Ну вот и все, конец, этот черномазый глотатель мух работает на ЦРУ. Теперь покоя нам не дадут. Сама заварила эту кашу, а сейчас сжимается сердце и хочется

орать. – Пэм усмехнулась. – Да, именно орать. Бабы слезы не мой стиль. А может, кинуть ЦРУ? Нет, дубина ты стоеросовая, кинуть можно кого угодно, но только не подобную контору. Нашли здесь, значит, найдут повсюду. Эгера станут вербовать, а что будет со мной, вообще непонятно. Угораздило же меня войти в этот проект! Нельзя было, чтобы мое имя в нем хоть как-то фигурировало, а я, наоборот, в списке допущенных, в котором вообще всего несколько фамилий. Очень и очень плохо все, девочка. Если сейчас сбежать, они меня потом наизнанку вывернут, накормят таблетками, от которых, словно на дрожжах, разбухает мозг, а то и вовсе не станут церемониться, а просто, как говорят русские уголовники, шлепнут. Так что хочешь не хочешь, а дело надо делать. Впервые в жизни вступаю в конфликт сама с собой. Чувство такое, будто внутри две разъяренные мегеры, и каждая готова угробить свое же отражение. Выбор между любовью и долгом в пользу последнего мучителен, как зубная боль...» Она не успела додумать: Игорь, кряхтя, вытащил задохнувшегося шофера из кабины и принялся стаскивать с него одежду, ощупывая в ней каждый миллиметр.

– Что-то есть! – держа в руках брюки несчастного куриного пастуха, воскликнул он. – Бумажник! Посмотрим, что у такого засранца водится в бумажнике... Так, фотография его подружки, кредитная карточка «Америкэн Экспресс», полторы тысячи долларов – неплохая сумма, думаю, столько паренек, окажись он тем, за кого себя выдавал, заработал бы здесь за год, и вот оно! – триумф дедукции мистера Лемешева: удостоверение сотрудника разведуправления Мэтью Фогги. Как все просто, да, Пэм?! Твой коллега задохнулся, подавившись собственным языком, до этого произносившим всякие глупости вроде того, что великий колдун сотворил волну, которая смыла белых, и тому подобный бред. Кто готовил этого придурка, Пэм? Да он просто... – Тут разошедшийся Игорь увидел, как изо рта покойного шофера выползло крупное насекомое и как ни в чем не бывало улетело восвояси. От увиденного Лемешева вывернуло наизнанку. После того как желудок его пришел в относительную норму, Пэм иронично спросила, закончилось ли у него это в буквальном смысле извержение. Парень погиб при исполнении от нелепой случайности!

– Он самый обычный агент, и впрямь не очень-то подготовленный. Если он и в самом деле из ЦРУ, то уж точно не из моего отдела, иначе он выдал бы свои способности. Это логично, в Канцелярии знают, что мы без труда бы его распознали, вот и прислали человека не из нашего, так сказать, круга. Ты прав, все действительно чересчур просто. Но куда он хотел нас отвезти, как ты думаешь?

– Здесь и думать нечего, за виллой следят. Стоило нам выйти на прогулку, как тут же прислали грузовик. Значит, где-то там, в чаще, есть поляна, там стоит вертолет, а в море нас ожидает эсминец американского флота. Нас нашли, только и всего. Вернее... – Игорь испытующе поглядел на свою подругу, – нашли меня. Тебя-то им искать незачем. Ну что, милая, первый раз в жизни поговорим, наконец, начистоту?

* * *

Пэм знала, что отнекиваться дело напрасное – ведь при желании он прочтает ее, словно открытую книгу, и еще, чего доброго, доберется до кодированной информации о проекте «Копье». Поэтому она во всем призналась. Пусть он поймет ее правильно – человек с его даром интересен разведке любого государства.

– Эгер, ты не должен иметь против меня обиду, – сбиваясь с нормального русского и применяя в речи забавные англицизмы, продолжала Пэм. – Нас с тобой слишком многое связывает, мы словно растем друг из друга. Вспомни, что случилось тогда, много лет назад, в Риме, когда я смогла спасти тебя от верной пожизненной тюрьмы! Убийство собственного отца – тяжкое преступление, в тюрьме за такое не привели бы. Ты давно стал бы калекой или еще того хуже...

Внезапно она залилась слезами, словно посреди летнего дня вдруг начался проливной дождь, и, все пританцовывая вокруг него, сбивчивыми очередями говорила о том, как много она для него сделала, как помогла, на что решилась ради него. Он всегда был самым дорогим сокровищем, и она любит его так же, как любит собственную страну, а искренняя любовь – это всегда притяжение небывалой силы.

– Они не оставят нас в покое, Эгер. Придется подчиниться, ведь ты не супермен и не человек-невидимка, ты не можешь исчезнуть, покуда ты здесь, в мире Люцифа, в материальном мире. Я служу своей стране, надеюсь, ты понимаешь, что это означает, и моя страна, самая великая страна в этом мире, протягивает тебе руку и приглашает за собой. Ты нужен Америке, Эгер. Ты нужен свободе. Ты нужен мне... – тихо закончила Пэм.

«Ну вот все и совпало. – Игорь рассеянно смотрел на перевернутый грузовик, на струи камней и песка, которые продолжали течь от верхнего края обрыва, все еще не успокаиваясь после низвержения куриного перевозчика и его транспорта. – Сначала они, пытаясь зацепить меня, организовали убийство отца, затем разыграли комедию в масонском храме, когда у подножия статуи Люцифера неожиданно появилась подлинная тетрадка монаха, а сейчас, считая меня невозвращенцем, в открытую переманивают на свою сторону».

И все было бы скучно и неинтересно, не ввяжись в эту историю Пэм. Всегда есть кто-то ответственный, с кого можно спросить адекватно тяжести им содеянного.

– Пойдем домой, детка. Я должен морально подготовиться. Я не против твоего предложения, понимаю, что ты права и лучше легально существовать в этом мире, пусть и под другим именем, чем сидеть в священном неведении и наивно полагать, что тебя оставят в покое.

– Ты теперь, наверное, возненавидишь меня? Получается, что я тебя предала... – Она, все еще всхлипывая, быстро говорила, старательно оправдываясь, и несколько раз заискивающе заглянула Игорю в глаза.

– Да брось ты, Пэм. Какие могут быть счеты между родными людьми?

Они пошли по дороге к дому. Игорь обнял Пэм за талию, а она примирительно потерлась о его плечо:

– Ты правда не сердись? Прощаешь меня?

– Ну конечно. – Игорь рассмеялся. – Конечно, прощаю, ведь я люблю тебя. Просто дай мне день или два, чтобы я морально подготовился и сам себе внушил, что мечта о безделье длиною в вечность – это чушь собачья. Тогда можешь вызвать новый грузовик, только на сей раз без кур, а то запах их помета до сих пор меня преследует. Подойдет твоим друзьям мое предложение? Они согласны подождать?

Пэм лишь молча кивнула в ответ.

V

Погода начала заметно портиться уже к вечеру. В командную рубку эсминца «Росс», входящего в состав ударной группировки Седьмого флота США, вошел офицер-геодезист и подал капитану свежую сводку на ближайшие четыре часа. Сводкой этой капитан остался крайне недоволен и велел передать на берег, что он вынужден уйти.

– Дайте радиограмму. Сообщите, что в связи с наступающим штормом я более ни минуты не могу ждать и подвергать опасности жизнь корабля. Приду обратно, как только закончится шторм. Связь буду держать по этому каналу, система кодировки прежняя. Все.

«Росс» немедленно после этого снялся с якоря и на скорости в 23 узла ушел в открытый океан, подальше от берега, где его могло выбросить на мель сильнейшим штормом, надвигавшимся с востока. Ночь обещала беспокойство и неприятные хлопоты. Следом за военной сводкой предупреждение получили все береговые радиостанции Соломоновых островов, началась эвакуация населения подальше от берега. Жители совсем крошечных клочков суши, где ухо-

доть было попросту некуда, привычно привязывали себя к пальмовым стволам. Те счастливи- чики, что располагали надежными моторными катерами, удирали на соседнюю, более крупную землю, но таких удачливых обладателей скоростных плавсредств на островах проживало не так уж и много – население бывшей британской колонии привычно существовало далеко за чертой бедности вот уже долгие годы, можно сказать, со времени освоения этих островов человеком.

Пэм поглядела в окно, туда, где у горизонта расчертили небо первые молнии. Затем тихо выскользнула из-под одеяла и, стараясь производить шума не больше, чем летящее по воз- духу перо, покинула их с Игорем общую спальню. Они занимали две отдельные кровати – луч- ший рецепт сохранения супружеского влечения на долгие годы: следование ему не позволяет выпить за несколько месяцев то, что отмерено на десятилетия, и охладеть друг к другу до пол- ного безразличия.

Пэм поднялась на самую крышу, где была оборудована небольшая смотровая площадка с парой шезлонгов, полосатым тентом и мощной увеличительной трубой вроде тех, что стоят в публичных местах (в них можно рассмотреть вожденную достопримечательность, бросив в прорезь пару монет). Здесь, на крыше, она долго стояла, припав к трубе, затем уселась в шезлонг и закрыла глаза. Со стороны могло показаться, что она уснула, но на самом деле жен- щина погрузила себя в глубокий транс: губы ее едва шевелились, шепча неразличимые слова молитвы на чужом, незнакомом языке.

Она молилась так, как умеют молиться лишь особо посвященные демонопоклонники: молитва читалась по-древнехалдейски и на этом же языке заучивалась слово в слово – искаже- ния не допускались и считались серьезной провинностью. За это в Великой ложе Массачусетса, куда входила Пэм, могли рассчитывать с нарушителем крайне сурово, при том, разумеется, условию, что сам факт ошибки был бы каким-либо образом установлен. Молитва называлась «меркаба» и была обращена к темным силам, к духам воды и воздуха, заставляла их повино- ваться. Это слово уже само по себе относится к наивысшим масонским тайнам и таинствам, с ним связано посвящение в наивысшую белую «моисееву» степень тридцать третьего уровня, которой Пэм, без сомнения, обладала. Меркаба открывает перед испытанным масоном тайны каббалы и каббалистической магии, делая такого человека подобным Богу – ведь избранному предоставляется повелевать многими силами в нашем ни во что не верящем мире, которым благодаря его безверию столь удобно управлять. Тот, кто знает меркабу, а сле- довательно, и высшее слово, может влиять на природные процессы, нарушать их, прекращать или усиливать лишь силой своей воли. Меркаба также, вне всякого сомнения, является самым настоящим обращением к дьяволу и заключением с ним пакта о сотрудничестве. Она не всегда срабатывает так, как задумывает молящийся, но всегда имеет эффект, в той или иной степени относящийся к его просьбе. Пэм просила надвигающийся ураган сделаться чуточку меньше, ослабеть до уровня сильного, но все же шторма. Ей очень хотелось выйти в море и встре- тить свою особенную волну, дальше этого ее пожелания не простирались. Прочитав молитву и закончив ее отчетливо произнесенным трижды словом «мак-бенак», женщина встала, спусти- лась на второй этаж, но вместо спальни сперва вошла в кабинет Игоря, где с полчаса мучила бумагу какой-то писаниной, забросав около двух страниц своим мелким, аккуратным почер- ком. Только после этого, запечатав письмо в конверт и бросив его в ящик письменного стола, она вернулась в спальню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.